Б 367/1233

С. Любимова

В ПЕРВЫЕ ГОДЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва . 1958

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ
ЭКЗЕМПЛЯР

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Серафима Тимофеевна Любимова — старый член КПСС. В первые годы Советской власти она работала в отделе работниц ЦК РКП(б) инструктором по работе среди женщин Востока, затем заведовала женотделом ЦК Коммунистической партии Туркестана, а потом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б). У нее сохранился интересный материал о работе Коммунистической партии по раскрепощению женщин Советского Востока. Данная брошюра — это ее личные воспоминания и обобщение имеющихся у нее материалов.

В брошюре много ярких фактов, раскрывающих мрачную жизнь женщин Востока до революции, показаны огромные трудности, с которыми была сопряжена борьба Коммунистической партии против веками укоренившихся законов и обычаев, ставивших женщину в рабское положение, рассказывается о формах и методах работы Коммунистической партии среди женщин, приводятся интересные данные, показывающие, насколько плодотворна оказалась эта работа.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

Отзывы просим направлять по адресу: Москва, Ленинский проспект, 15, Госполитиздат.

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина
58-80689

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Борьба за раскрепощение женщин — одна из славных страниц истории Коммунистической партии Советского Союза. Задачу осуществления равноправия женщин наша партия всегда включала в число основных положений своей программы.

В дореволюционные годы большевики настойчиво и кропотливо вели работу по пробуждению классового сознания трудящихся женщин, по приобщению их к общей революционной борьбе пролетариата.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции все старые законы, ставившие женщину в подчиненное, унизительное положение в семье и обществе, были уничтожены.

Но этого мало, говорил В. И. Ленин. Равенство по закону не есть еще равенство в жизни.

Многое требовалось сделать, чтобы ликвидировать тяжелое наследие проклятого прошлого, пробудить у ранее бесправных и угнетенных женщин чувство человеческого достоинства, поднять их политический и культурный уровень, привлечь к активному участию в созидании нового общественного строя.

Коммунистическая партия развернула огромную работу среди женщин, чтобы на деле осуществить эти задачи.

В партийных комитетах были созданы комиссии по агитации и пропаганде среди работниц, начавшие свою деятельность с широкого разъяснения женщинам советского законодательства.

В ноябре 1918 года Центральный Комитет Коммунистической партии созвал первый Всероссийский съезд работниц, на котором присутствовало 1147 делегаток от самых различных городов и районов страны.

На съезде выступил Владимир Ильич. Уже за первый год своего существования, говорил он, молодая Советская республика сделала для трудящихся женщин больше, чем какая-либо другая страна, но что полное и фактическое раскрепощение их обеспечит только победа социализма.

В марте 1919 года на VIII съезде партии было принято решение о работе среди женского пролетариата, в котором говорилось: «Признавая настоятельную необходимость укрепить наши силы привлечением работниц и крестьянок к борьбе за коммунизм и к советскому строительству, VIII съезд партии предлагает всем партийным комитетам содействовать осуществлению этой работы на практике» [1].

В этих целях комиссии по агитации и пропаганде среди работниц были реорганизованы в отделы по работе среди работниц и крестьянок — женотделы, которые были созданы при всех центральных комитетах национальных компартий, краевых, областных, губернских и уездных партийных комитетах. Во всех партийных организациях были выделены организаторы по работе среди работниц и крестьянок.

Женотделы в своей работе исходили из общих задач, стоящих перед партией. Главная из них состояла в том, чтобы широко привлечь трудящихся женщин к активному участию в общей борьбе и строительстве.

[1] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», Госполитиздат, ч. I, 1954, стр. 453.

«Если наша страна,— говорил И. В. Сталин,— взялась серьёзно за строительство новой советской жизни, то разве не ясно, что женщины этой страны, представляющие половину её населения, будут служить гирей на ногах при всяком движении вперёд, если они останутся и впредь забитыми, несознательными, тёмными?» [1]

Большая и многообразная работа Коммунистической партии привела к тому, что широчайшие массы трудящихся женщин быстро включились в общественную жизнь, стали полноправными строителями социалистического общества.

[1] *И. В. Сталин,* Соч., т. 5, стр. 350.

ПОДНИМАЛИСЬ УГНЕТЕННЫЕ ИЗ НАИБОЛЕЕ УГНЕТЕННЫХ

После Всероссийского съезда работниц и крестьянок работа среди женщин в центральных районах страны приобрела широкий размах.

В национальных областях и республиках она развертывалась позже, в ходе установления Советской власти.

В мае 1920 года был организован женотдел в Баку, в феврале 1921 года — в Тифлисе (Тбилиси).

В Туркестане женотдел был создан в 1920 году, но в условиях еще не ликвидированного басмачества ему и в 1922 году трудно было по-настоящему развернуть работу.

В апреле 1921 г. было созвано первое Всероссийское совещание работников среди женщин Востока. На нем присутствовало 45 делегаток-коммунисток из Туркестана, Азербайджана, Башкирии, Крыма, Кавказа, Татарии и из ряда губерний с тюркским населением.

Главным на этом совещании был вопрос о подготовке к Всероссийскому съезду женщин Востока, созыв которого намечался на 20 июня 1921 года.

В. И. Ленин придавал огромное значение начинающейся работе по раскрепощению тружениц Востока. В своем приветствии совещанию он писал:

«К глубокому сожалению, неотложная работа не позволяет мне присутствовать на вашем совещании. Горячо приветствую и шлю свои лучшие пожелания успеха в работе, особенно в работе по подготовке предстоящего первого Всероссийского беспартийного съезда женщин Востока, который, правильно подготовленный и проведенный, несомненно, сыграет громадную роль *в деле пробуждения сознания и организационного объединения женщин Востока*» [1].

После совещания во всех партийных организациях и их отделах по работе среди женщин началась подготовка к съезду. Проводились собрания женщин по городам и селам, уездные, губернские и краевые женские съезды, где избирались делегатки на Всероссийский съезд.

Во многих кишлаках и аулах агитаторам-коммунисткам часто приходилось слышать:

— Собрание женщин? Разве это женское дело ходить по собраниям? Нас все засмеют! Муж убьет меня, если я пойду на собрание.

Трудно, очень трудно было вытащить женщину-затворницу из дома. Поездка в город, на собрание женщин была величайшим событием. Многие делегатки впервые в своей жизни видели железную дорогу, шарахались от паровоза, называя его шайтан-арба (чертова колесница). В городе все вызывало удивление и живой интерес: высокие дома с большими окнами на улицу, водопровод, канализация. Многим трудно было с непривычки сидеть на стульях и даже во время заседаний они пересаживались на пол, поджимая под себя ноги. Были случаи, когда муж не отпускал жену одну из дома и сам приезжал с ней.

Несмотря на большие трудности, собрания и съезды женщин в национальных республиках прошли успешно.

Съезд в Грузии собрал 400 делегаток, в Баку — 1200, во Владикавказе — 102, в Татарской республике — 350.

На съезд в Тбилиси приехали грузинки, армянки, тюрчанки, русские, осетинки. Все доклады переводились на грузинский, армянский, тюркский языки.

Слушая доклад о мероприятиях партии и Советской власти по раскрепощению женщин, многие делегатки, испытавшие на себе тяжелую женскую долю в прошлом, не могли сдержать слез. «Все накопившееся горе многих лет, годы гнета, мрака, ненависти, национальной вражды смыли горячие слезы»,— так писала «Труженица Закавказья» об одном из выступлений на женском съезде Грузии. Глубина переживаний, взволнованность,

[1] *В. И. Ленин,* Соч., т. 32, стр. 277.

радость освобождения характерны для всех съездов женщин Востока.

В 1921 году прошли женские съезды и по областям Туркестанской республики.

Но Всероссийский съезд не состоялся, он постановлением ЦК партии был отменен в связи с продовольственными затруднениями. Сообщение об этом не успело своевременно дойти до некоторых отдаленных районов. Избранные на Всероссийский съезд делегатки от Ферганской, Семиреченской, Самаркандской и Сыр-Дарьинской областей приехали в Ташкент для того, чтобы отсюда всем вместе направиться в Москву. Велико было их огорчение, когда они узнали, что съезд не состоится. Туркестанские товарищи решили организовать экскурсию делегаток в Москву. На московский вокзал их прибыло 78, четверо с детьми. Они приехали в последний день работы 2-й Международной конференции коммунисток, собравшей представительниц 28 стран мира. Прямо с вокзала женщины Туркестана направились на конференцию. Их появление произвело необычайно сильное впечатление на делегаток конференции. Одна из участниц этой конференции — Вайан Кутурье позднее писала:

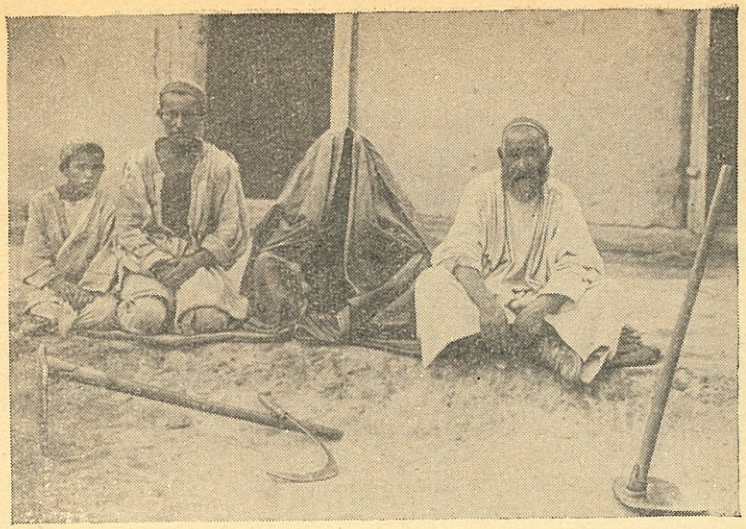
«В тот вечер, когда заседание уже кончалось, у дверей Свердловского зала, где заседала 2-я Международная конференция коммунисток, произошло движение. Черные покрывала, яркие ткани, шелком и золотом шитые головные уборы... Женщины Востока стройной вереницей влились в зал, где находились представительницы работниц всего мира... Мы встретили их, как пионеров, порвавших со своим тяжелым варварским рабством. Цепь еще сковывала их, вуали еще не были сброшены.

Аплодисменты не умолкали. Никто не мог говорить, все плакали от радости. Запад открыл свои объятия работницам Востока... Вуали начали подниматься, и одна из женщин, в маленькой вышитой шапочке с надменным профилем и с сине-черными волосами, заплетенными в две косы, взошла на трибуну. Без сомнения, жест — чисто символический...» [1]

Делегаток Туркестана тепло приветствовали от имени конференции А. М. Коллонтай и Клара Цеткин.

«Ваша страна...— сказала взволнованно Клара Цеткин,— далека нам, как сказка, но ваши сердца близки нам, так как бьются вместе с нами за освобождение от векового угнетения».

[1] «Коммунистка» № 14—15, 1921 г., стр. 16—17.



Семья узбека-крестьянина
(1923 г.)

В Москве женщины Туркестана пробыли 10 дней. Они присутствовали на параде, организованном на Красной площади в честь III конгресса Коммунистического Интернационала, побывали в детских учреждениях, на швейной фабрике, на вечерах-встречах с московскими работницами.

Но самым большим событием для них была беседа с Ильичем. Произошло это так. Делегатки Туркестана жили в 3-м доме Советов (ныне здание Совета Министров РСФСР), в котором в те дни проходил Всероссийский продовольственный съезд. Делегатки каким-то образом узнали, что на съезд приехал Ленин. Они высыпали во двор, выстроились в ряд и послали своих представительниц просить Владимира Ильича выйти к ним. Ленин вышел, тепло поприветствовал женщин и выразил уверенность, что в недалеком будущем отложенный съезд тружениц Востока будет созван. Ленин сказал, что самый факт присутствия делегаток Турке-

стана в Москве показывает, что революция охватывает все новые и новые пролетарские массы. Ленин просто и задушевно побеседовал с женщинами. Он произвел на них неизгладимое впечатление. После отъезда Владимира Ильича стихийно возник митинг, на котором на различных языках народов Средней Азии его участницы заверяли, что ленинские слова они донесут до женщин своих городов и сел и будут бороться за дело Коммунистической партии и Советской власти.

Меня давно интересовала работа среди женщин национальных республик. В качестве инструктора Отдела работниц ЦК партии я неоднократно выезжала в эти республики. Когда же Отдел работниц получил возможность иметь специального инструктора по работе среди женщин Востока, эту работу поручили мне.

Шел 1923 год. Предстояло 2-е Всероссийское совещание по работе среди женщин Востока. Оно состоялось в Отделе работниц ЦК РКП(б) с 22 по 28 марта 1923 года. В нем приняли участие представители 12 автономных областей и республик, слушательницы университета трудящихся Востока и представители ряда центральных учреждений и организаций.

К этому времени нами был уже тщательно изучен опыт двух лет работы среди женщин Востока, прошедших после первого совещания. В докладах заведующей отделом С. Н. Смидович о задачах РКП(б) в области работы среди женщин Востока и т. Цейтлин о формах и методах этой работы были даны ответы на волнующие местных товарищей вопросы. Среди других был и мой доклад. Он назывался «Организационный вопрос». Речь шла о штатах, кадрах, подготовке работников и т. д.

На совещании выступил секретарь ЦК РКП(б) т. Куйбышев с докладом «Основные моменты национальной политики Российской Коммунистической партии». «...Вы, наверное, первая организация,— сказал он, начиная свой доклад,— которая будет иметь возможность обсудить те тезисы, которые ЦК предлагает вниманию XII съезда партии». Из его выступления было видно, что работе среди женщин придается значение как одной из важнейших общепартийных задач.

Меня решили командировать в Туркестан. Я с удовольствием приняла это решение. В Туркестане начинали подниматься к новой жизни угнетенные из угнетенных, но здесь еще продолжали господствовать старые обычаи, основанные на адате (неписаный закон, освященный обычаями) и шариате (установления мусульманской религии, изложенные в коране). Эти законы обрекали женщину на полное бесправие, унизительное, рабское положение в семье и обществе.

По шариату и обычному праву отец и муж — глава семьи. Жена без разрешения мужа не может выйти из дома. Муж может за ослушание подвергнуть жену «легким телесным наказаниям». За увечье жены муж отвечает только штрафом.

Отец может запродать свою дочь с детских лет за калым, а с 9 лет (брачный возраст по шариату) передать ее в фактическое замужество. Девушка не имеет права выбирать себе жениха, а должна подчиняться приказанию родителей.

Муж имеет право во всякое время дать жене развод, произнеся три раза лишь одно слово «развожу», жена может получить развод лишь в строго установленных случаях и с согласия родственников.

Родители, продавшие дочь за калым, не имеют права дать ей приют, если она убежала от мужа, а должны помочь последнему найти жену и вернуть ее в дом мужа.

По смерти мужа жена со всем имуществом должна перейти в наследство к ближайшему родственнику мужа.

Женщина не имеет права на участие в общественной жизни, и даже в суде, чтобы иметь показание одного свидетеля, нужно двух женщин и т. д. и т. п.

Одним словом, по шариату и обычному праву женщина — не человек. Ее продают и покупают, передают по наследству, избивают, могут в любое время выгнать из дома.

В этих условиях работа женотделов была особенно трудна и в то же время особенно необходима.

ОТ МОСКВЫ ДО АШХАБАДА

Туркестан тысяча девятьсот двадцать третьего года — это три республики: Туркестанская автономная советская социалистическая республика — составная часть РСФСР и не входящие в Советский Союз Бухарская и Хорезмская народные советские республики.

Готовясь к выезду, я запаслась книгами, знакомящими с историей, географией, экономикой и бытом Туркестана. Собрала все, что удалось найти: работы Семёнова-Тян-Шанского о Туркестане, русский перевод шариата, «Обычное право туркмен» А. Ломакина и ряд других книг, среди которых оказались и «Туркестанские воспоминания» Духовской — жены одного из туркестанских генерал-губернаторов.

Книга Духовской издана в 1913 году издательством т-ва Вольф как подарочное издание для учащихся гимназий.

Достаточно привести хотя бы один отрывок из этих воспоминаний, чтобы понять то унизительное и бесправное положение, в которое были поставлены народы Туркестана в дореволюционном прошлом.

Вот как описывает Духовская свою поездку вместе с мужем в Андижан после разгрома восстания узбекского населения, происшедшего в 1898 году. Поезд подходил к Андижану. «Народу,— пишет Духовская,— хлынуло навстречу тьма тьмущая, уже за несколько верст от города и вплоть до места остановки поезда тысячная толпа туземцев лежала распростертая ниц вдоль полотна дороги, стуча лбами о землю.

Муж прошел прямо в церковь на молебствие при громе орудийных залпов (без помпы среди азиатов не обойтись)... Наказание было наложено строгое — состоит оно в том, что население должно снести кишлаки Таджик, Мин-Тюбе и Кашгар, где жили главари и зачинщики заговора, и образовать на их месте русское поселение в 200 дворов».

И все это прославлялось, преподносилось как рассказ о доблести и мужестве царской администрации.

События в Андижане были еще свежи в памяти народов Туркестана. Еще не ушло из жизни то поколение, которое было свидетелем этих событий.

Установление правильных отношений с ранее угнетенными народами было трудным и исключительно сложным делом.

В. И. Ленин в своем письме к коммунистам Туркестана писал:

«Товарищи! Позвольте мне обратиться к вам не в качестве Председателя Совнаркома и Совета Обороны, а в качестве члена партии.

Установление правильных отношений с народами Туркестана имеет теперь для Российской Социалистической Федеративной Советской Республики значение, без преувеличения можно сказать, гигантское, всемирно-историческое.

Для всей Азии и для всех колоний мира, для тысяч миллионов людей будет иметь практическое значение отношение Советской рабоче-крестьянской республики к слабым, доныне угнетавшимся народам.

Я очень прошу вас обратить на этот вопрос сугубое внимание,— приложить все усилия к тому, чтобы на примере, делом, установить товарищеские отношения к народам Туркестана,— доказать им делами искренность нашего желания искоренить все следы империализма великорусского...» [1]

Много и терпеливо нужно было работать, чтобы делами доказать искренность нашего желания искоренить все следы проклятого прошлого.

* *
*

От Москвы до Ашхабада (в то время Полторацк) более четырех тысяч километров. Путь не маленький. Чтобы доехать до Ташкента, нужно было не менее 4—5 суток, а там Самарканд, Бухара и, наконец, Полторацк.

До Оренбурга знакомые картины природы Европейской части России. Но вот поезд пересек границу Азии, и потянулись бескрайние просторы степей. Стоял еще май, а степь уже почти вся выжжена, серая, без деревца, без зеленой травы. «А знаете, какие здесь бывают ранней весной травы? — говорит стоящий рядом со мной у окна товарищ.— Вся степь покрывается цветами, особенно много тюльпанов. Пышная зелень, цветы — все это, как красивый ковер, а сейчас никаких признаков жизни».

Полынь, песок и лишь изредка казахские юрты.

Двигается поезд медленно, подолгу стоит на остановках, даже на разъездах, а несколько раз останавливался прямо в степи, не доезжая до станции. В таких случаях

---

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 30, стр. 117.

пассажиры высыпали из душных вагонов и, случалось, возвращались с черепахой, рассказывали о виденном ими фазане или еще каком-либо степном обитателе. Оказывается, степь не так мертва, как кажется из окна вагона.

Прибытие пассажирского поезда — это целое событие в жизни населения станционного поселка, состоящего из 3—4 жилых строений и нескольких юрт. Все жители поселка выходят на перрон, чтобы посмотреть на людей из Москвы и других далеких от них городов, предложить им скромные продукты своего труда. К поезду спешат казашки с самоварами. Очевидно, заработок от продажи кипятка составляет не последнюю часть бюджета их семьи. Одеты они в жалкие отрепья, и производят тягостное впечатление.

«Дай рубах,— просит одна,— нет рубаха, смотри» — и распахивает халат, под которым, действительно, нет рубашки.

«Купи»,— упрашивает другая, протягивая пучки дикого лука. Каждая, которой удается продать, радуется, бежит к своим, показывает полученные деньги.

Но вот поезд тронулся, и снова потянулись сотни километров безлюдных, пустынных степных пространств.

За Аральским морем, где начинает чувствоваться близость большой реки (Сыр-Дарьи), картина меняется. Стоят уже не только отдельные юрты, но и целые селения, встречаются ирригационные сооружения. Но они крайне редки. Мы едем уже четвертые сутки. Говорят, что до Ташкента осталось еще не менее 30—35 часов.

Читаю шариат, и мне становится все более понятным, почему так горячо выступали некоторые участники 2-го Всероссийского совещания работников среди женщин Востока, предлагая упразднить шариатские суды. Но сделать это не так-то просто. Недаром даже в 1923 году наряду с народными судами в Туркестане существовали суды по адату, а также шариатские суды, решение которых имело такую же законную силу, как и решение народных советских судов. Каждый мог обратиться по своему желанию в тот или иной суд.

Стараюсь завязать разговор с соседями по купе — туркестанскими жителями. Все, что они рассказывают о природе, быте, нравах, о первых шагах Советской власти в Туркестане, крайне интересно.

Но что это? Наш поезд опять остановился, не доезжая до станции. Стоим пять, десять, двадцать минут. Ушли куда-то проводники, так что не у кого узнать причины остановки. Один за другим выходим из вагона, идем к паровозу... Нет паровоза.

— А где же он?

— Ушел, топлива не хватило.

— Куда ушел?

— Известно куда — в Ташкент, потому что ни на одной ближайшей станции топлива нет.

— Странно,— говорит кто-то.— В Ташкент он и нас мог бы прихватить.

Но нам трудно судить об этом, и мы запасаемся терпением, ждем, долго ждем, несколько часов. Входим в вагон и снова выходим, чтобы посмотреть, не идет ли паровоз.

Но всему бывает конец — паровоз вернулся, и поезд тронулся. На шестые сутки мы въезжали в цветущий Ташкентский оазис. Вдали виднеются отроги Кара-Тау — первого звена Тянь-Шаньской системы. Кругом квадраты и прямоугольники возделанных полей, сады, виноградники. Громыхают колеса поезда по многочисленным мостикам через большие и малые каналы искусственного орошения. По дорогам к городу тянутся необычайные повозки на двух огромных колесах, без затруднения перешагивающих через канавки-арыки; возница сидит не на повозке, а верхом на лошади, опираясь ногами на оглобли. Спешат, быстро перебирая ногами, ослики с непосильным, казалось бы, для них грузом.

Среди пешеходов редкие фигуры узбечек, закрытые с головы до ног синевато-серым халатом со спущенной на лицо густой черной сеткой из конского волоса. Вот он, Ташкент.

* *
*

Ташкент — столица Туркестанской автономной советской социалистической республики. Огромный город с полумиллионным населением, бывший административный центр Туркестанского генерал-губернаторства. Он резко разграничен на два города — старый и новый.

В новом — все обычно, но не совсем: дома, скверы, кафе, кинотеатры такие же, как в других городах, но

дома в один и два этажа, нет многоэтажных; по обе стороны мостовой арыки с журчащей водой, пирамидальные тополи, карагачи, белая акация.

В старом — все необычно: узкие кривые улочки, дома без окон с плоскими крышами, высокие глинобитные заборы. Не видно общественных зданий — школ, больниц, магазинов. Торговля сосредоточена на базаре. Много мечетей. В старом городе и живет коренное население. Вот, не торопясь идет узбек в ярком полосатом халате, перевязанном в поясе светлым платком, уголок которого выглядывает на середине спины. На нем искусно расшитая тюбетейка и мягкие ичиги в новых калошах. Шагов на шесть-восемь от него движется женщина, вся она скрыта под паранджой. На голове у нее узелок, она не придерживает его. Это муж с женой направляются в гости. Женщина не имеет права идти рядом с мужчиной, а тем более впереди него, непременно только сзади и только на почтительном расстоянии.

Встречаются нам узбеки с корзинами на голове, полными цветов или абрикосов. Здесь много роз. Их продают за бесценок. Розу можно видеть заложенной за ухо, под тюбетейку у многих. Все так ярко, солнечно, ново, что на каждом шагу хочется остановиться, поглядеть, послушать. Но мы с переводчицей спешим в дом Рисолятхан Саидалиевой, с которой познакомили нас в партийном комитете. Там мы должны встретиться с узбекскими женщинами. Рисолятхан работает в женотделе, знает русский язык и охотно согласилась познакомить нас с жизнью и бытом местного населения.

На женской половине дворика, когда мы пришли, нас уже ждало несколько человек, но еще продолжали подходить. Вновь приходящие не стучали кольцом калитки, не шли с улицы, а появлялись через отверстие в глинобитной стене. Оказывается, такие отверстия соединяли между собой женские дворики. Рисолятхан смеется, заметив наше удивление, и рассказывает, что некоторые женщины, пользуясь таким способом связи с соседями, годами не выходят на улицу, а есть и такие, которые ни разу в своей жизни не были в новом городе и не имеют представления о домах европейского типа.

На женский дворик без предупреждения не может зайти мужчина, и поэтому женщины здесь могут открыть лицо и снять паранджу. Их наряд — длинные широкие

платья, шаровары, платок или тюбетейка на голове. Бесцеремонно разглядывают они мой костюм, пробуют руками материал.

Рисолятхан хлопочет с угощением. На хорошо утрамбованном земляном возвышении расстелены кошмы, в середине на цветной скатерти — достархан ставятся подносы. По всем четырем сторонам достархана положены мягкие одеяла, на которые, сняв обувь, усаживаются, поджав под себя ноги, приглашенные. Нам, раз мы не умеем так сидеть, даются еще подушки, помогающие занять полулежачее положение.

Начинается неторопливый разговор, конечно, на бытовые темы, ибо пока на женский дворик еще не проникли интересы политические, общественные.

— Вы говорите учить? Но как я отдам дочь в школу, где мальчики, когда она в десять лет должна надеть паранджу?

— Мужчина делает что хочет. Недавно сосед прогнал жену за бесплодие. Но разве она виновата? Она лечилась, пила настой, который давал мулла, ездила в Джелял-Абад и, как положено, сползала животом вниз с камня Сулеймана. Ничего не помогло.

— Если бы муж не бил и не грозил проклятием мулла, я давно бы бросила паранджу.

— Что вы? Разве можно пойти на собрание! Засмеют, скажут: «плохая женщина».

И тут же рассказывают о фактах, называют имена некоторых женщин, которые пошли на собрание и открыли лицо. На этих женщин было написано заявление в шариатский суд с обвинением их в плохом поведении, десятки мужчин подписались (приложили пальцы), и женщины были наказаны.

К концу беседы устанавливаются совсем дружеские отношения. Я рассказываю о жизни в Москве и отвечаю на интересующие собеседниц вопросы. Кончается совсем весело. Под двухструнный инструмент — дутар узбечки исполняют несколько песен, и мы расстаемся.

Мы направляемся в Ташкентский уездный женотдел. Он помещается в маленькой комнате. Деревянные скамьи, стол, табуреты — вот и вся обстановка. Среди посетителей несколько узбечек и киргизок. В окна заглядывают мужчины. Заведующая женотделом просит инструктора пойти и сказать мужчинам, чтобы ушли.

— Не уходят,— заявляет возвратившийся инструктор.— Говорят, что у них тоже дело в женотдел.

И лишь после того, как удается уговорить мужчин отойти, несмело поднимается сетка (чачван) с лица одной из женщин. С ней девочка, тоже в парандже. Женщина что-то взволнованно рассказывает.

Бай обещал, переводят мне ее рассказ, что сделает дочь нянькой, хорошо кормить будет. А потом пристращал и изнасиловал. Ей 12 лет. Сбежала, десять дней нигде найти не могли.

Теперь мать пришла в женотдел и просит защиты от бая.

Вот вторая посетительница. Это Таджихан Ташкан Тураева из кишлака Карамырт. Ее дочь от побоев мужа сошла с ума. Муж выгнал ее из дома и теперь женится на другой. Таджихан просит помочь получить от мужа имущество дочери.

Сегодня из аулов приехали 3 женщины, побывавшие на женских съездах.

— Наш актив,— с гордостью заявляет заведующая, знакомя нас с ними.

Какую же работу ведет этот актив?

— Постоянно езжу по аулам,— рассказывает Айсула Гайбаева,— их у меня 17 в волости. Говорю, что нельзя продавать женщину, что за это сажают в тюрьму. Рассказываю всем о Ленине, о том, что нужно учиться.

Сегодня делегатки привезли списки желающих поступить в школу. Из аула Яису — на 175 человек, из Ташбулака — на 121 человека.

На списках десятки чернильных пятен — отпечатков приложенных пальцев (подписей) и печати местных Советов.

— Опять списки! — с волнением говорит заведующая.— Ну что нам делать? Нет учителей, нет средств на школы. Открыли только две на 70 и 80 человек, но это капля в море!

* *
*

Вышло так, что раньше мы с переводчицей оказались в Бухаре, потом в Полторацке (Ашхабаде) и лишь на обратном пути заехали в Самарканд.

Бухарская народная советская республика образовалась в сентябре 1920 года в результате народного восстания, поддержанного по просьбе восставших частями Красной Армии под руководством М. В. Фрунзе. Власть эмира была свергнута, но в социальных отношениях мало что изменилось. В марте 1921 года БНСР заключила договор о союзе с РСФСР, в Бухаре появилось советское представительство. В декабре 1921 года была принята программа молодой Бухарской Коммунистической партии.

Формально с 1920 года перестала существовать партия национальной буржуазии — младобухарцы-джадиды, а фактически ее бывшие члены продолжали действовать, пытаясь превратить Бухару в буржуазную республику, помешать ее развитию в социалистическом направлении, сорвать установление дружеских отношений с Советской Россией.

Не случайно весной 1921 года в Бухаре появился Энвер-паша, ярый панисламист, бежавший из Турции после победы в ней национально-освободительного движения. Энвер-паша возглавил в Восточной Бухаре басмачество.

Летом 1922 года Красная Армия разгромила основные силы басмачей, освободила Дюшамбе, нынешнюю столицу Таджикистана. В одном из боев был убит и сам Энвер-паша. Но на этом борьба не закончилась. Главари басмачей собрались в Афганистане и разработали план своих действий. На территорию Бухарской народной советской республики прибыл ближайший помощник Энвер-паши Хаджа Сами-бей, назвавший себя Селим-пашей. Весна 1923 года характеризовалась новым оживлением басмачества.

Вооруженные английскими винтовками, разжигая религиозный фанатизм, басмачи грабили и разоряли крестьянство, убивали советских активистов, мешали мирному хозяйственному строительству Туркестана.

Работу партии среди женщин, опрокидывавшую старые обычаи и установления мусульманской религии, они пытались использовать против Советской власти.

«Большевики нарушают законы шариата. Они открывают ваших жен. Смерть неверным!» — таково было содержание листовок, распространяемых басмачами. Были случаи убийства делегаток женских съездов.

В 1923 году шайка басмачей захватила группу в 13 человек юношей и девушек-узбечек, плывших на лодках

по Аму-Дарье в Ташкент на учебу. Только одному из них удалось спастись, остальные были перебиты. Особенно жестоко издевались басмачи над девушками.

Бухара была одним из старейших религиозных центров мусульманского мира. В ней насчитывалось при-

Делегатка краевого съезда дехканок читает газету «Янги Юл» *(1924 г.)*

мерно 50 тысяч жителей, значительную часть которых при эмире составляло мусульманское духовенство и воспитанники религиозных школ — медресе. В Бухаре было большое количество мечетей с высокими минаретами, большими гнездами аистов на них.

Улицы здесь — еще более узкие и кривые, чем в Ташкенте. Трудно разъехаться двум встречным арбам.

Оживление царило на бухарском базаре и площадях, примыкающих к нему. Здесь находились чайханы, посетители которых располагались на широких, как столы, скамьях, застланных коврами и вынесенных прямо на улицу. Любители кок-чая (зеленый чай) часами просиживали в чайхане — излюбленном месте общественной жизни и развлечений в Бухаре и вообще в Туркестане. Особенно оживленно здесь было по вечерам, когда в шумный говор многочисленных посетителей врывались песня и национальный танец.

Сказочной пестротой и яркостью красок отличался бухарский базар. Величавые бухарские купцы в чалмах и широких халатах сидели при входе в свои лавки, поджав под себя ноги, с пиалой чая в руках.

«Не хочет ли апа (сестра) чаю?» — предлагает хозяин лавки и потом неторопливо показывает куски шелка кустарного местного производства, коричневые, серые, черные шкурки каракуля, золотом шитые тюбетейки.

К базару примыкали целые кварталы ремесленников. В своих открытых на улицу мастерских они работали на глазах у всех и тут же продавали изделия своего труда. Рядом с базаром располагались многочисленные своеобразные столовые — шашлычные. Каждая из них — это три глинобитных стены с низким потолком и земляным полом, тремя-четырьмя деревянными столиками для посетителей.

Всюду шумно, многолюдно, дразнящие запахи восточных пряностей, жареной баранины, зелени, фруктов.

Город живет на улице. Не видно только женщин. Робки и одиноки их фигуры, закутанные в паранджи.

«Пошт-пошт!» — кричат извозчики и люди, едущие на ишаках, и женщина жмется к стене дувала (забора), готовая врасти в нее, лишь бы остаться незамеченной.

Мне рассказывали, что в 1921 году, когда на религиозный праздник Саиль, превращавший город в сказочную картину веселого гулянья, осмелилась выйти заведующая женотделом Отмарштейн с группой закрытых паранджой узбечек, их арестовали. Женщины могли любоваться на специально построенные на площади перед бывшим эмирским дворцом разноцветные палатки с красивыми товарами, на акробатические

номера и различного рода развлечения только издали, с крыш домов.

По приезде в Бухару мы прежде всего направились в ЦК Бухарской компартии.

Но здесь никакие разговоры о работе среди женщин ни к чему не привели. Работники ЦК считали совершенно невозможным и несвоевременным снова создавать женотдел, который был в 1921 году.

«Нет,— говорили они,— у нас этого нельзя. Пусть работают пока среди русских в Кагане. Мы подождем».

Я попросила секретаря ЦК познакомить меня хотя бы с его женой, но и в этом получила отказ.

Так ничего и не удалось добиться.

Пытались мы зайти в некоторые государственные учреждения Бухарской республики, но это ничего не дало. В отделе здравоохранения, в передней, мы увидели закрытую паранджой женщину. Почтительно и тихо она постучала в дверь одной из комнат. На вопрос «Кто?» она что-то сказала. «Пошла вон»,— отчетливо послышалось из-за двери. Женщина покорно повернулась и вышла.

Так было в июне 1923 года.

* *
*

Расположенный у предгорьев Копет-Дага Ашхабад, бывший административный центр Закаспийской области, был населен главным образом русскими, среди его жителей было мало туркмен, редко приезжали туркмены и из аулов. Иногда проходили через город, позвякивая колокольчиками, караваны верблюдов с различного рода товарами, направляясь в Персию (Иран) или через пески пустыни Кара-Кум в Хиву.

Работа женотдела в Ашхабаде велась среди городских женщин и не доходила до аулов. Женотдел почти не был связан с женщинами коренного населения.

У туркмен сохранялись еще патриархально-родовые отношения, во многих районах преобладали отсталые формы кочевого скотоводства, население было почти сплошь неграмотным. Адат ставил туркменку в совершенно бесправное положение. Она не носила паранджи, как узбечка или таджичка, но закрывала рот платком и

не имела права открыть его при постороннем мужчине. Когда в кибитке бывали гости, женщина не сидела с гостями, а лишь выполняла распоряжения мужа.

Вся работа по дому и в поле лежала на женщине. Туркменки — искусные ковровщицы. Изделия их рук — национальная гордость и экспортный товар. Разведение шелковичных червей, кустарное прядение и ткачество — тоже дело рук туркменских женщин. Сами они носили вытканное и сшитое ими платье до тех пор, пока оно не придет в ветхость. На голове туркменки высокая, сантиметров 25—30 войлочная цилиндрической формы шапка, толщиной в 2—3 сантиметра. На нее надет один рукав красного халата из плотного шелка. Другой рукав свободно лежит на спине. Платье — широкая длинная рубаха из того же красного шелка. Войлочная шапка заставляет держать голову прямо и даже несколько откидывает ее назад. Это придает внешнему виду туркменской женщины привлекательную величавость. Шапка никогда не снимается, даже во время сна, и мне приходилось видеть еще молодых туркменок с лишенной волос полоской на голове.

Убранство кибитки достаточно примитивно. На земляном полу — кошмы, а иногда ковры. По стенам сложены одеяла, развешана различная утварь и хурджумы — ковровые мешки, которые удобно при езде перекинуть через спину лошади или верблюда.

Мы побывали в одной из кибиток, расположенной около горного ручья (вода — это жизнь). Туркмен принял нас приветливо и, как можно было понять, предложил жене устроить для нас угощение. Туркменка, не торопясь, достала из ямки в земле под кошмой комочек сухого кислого молока величиной с кулак. Сходила к ручью за водой, положила молочный комочек в большое деревянное блюдо с водой, разболтала и подала мужу. Он попробовал деревянной ложкой этот напиток и любезно по очереди предложил нам откушать.

Мужчина — хозяин все время, пока мы были, не уходил, а женщина так и не присела и не сказала ни слова.

В районах, где главное занятие населения составляет земледелие, мы видели и другого типа жилища туркмен. Это были дома-крепости, отдаленные друг от друга гектарами полей, обнесенные со всех сторон высокими глинобитными стенами.

Большой четырехугольник глухой стены скрывал от постороннего глаза не только жилище хозяина, но и все его имущество — нехитрый сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот, ручную мельницу, примитивный ткацкий станок и многое другое, характерное для натурального хозяйства. Многочисленная патриархальная семья включала представителей не одного поколения, но и в этой семье также бесправным и тяжелым было положение туркменской женщины.

* *
*

Возникало много вопросов. Мы обсуждали их с работниками женотделов, активом коммунисток. С докладами о работе среди женщин я выступала на партийном активе в Полторацке, на коллегии агитпропа в Самарканде, на совещании секретарей партийных ячеек в Ташкенте и на ряде женских собраний. Мои сообщения о результатах обследования заслушивались и обсуждались на бюро Полторацкого, Самаркандского, Сыр-Дарьинского обкомов партии.

Работники женотделов жаловались на отсутствие внимания и поддержки в работе со стороны партийных комитетов. И жаловались они не без основания. Приводили факты. Вот один из переданных мне вопиющих документов:

«Прошу разрешить мне выдать стол и стул, так как я не могу до 3 часов простаивать на ногах»,— писала заведующая Ак-Мечетским уездным женотделом секретарю укома партии. На заявлении резолюция секретаря: «Отказать. Сама ты и твоя работа не стоят того, что извела на бумагу для заявления».

Партийные руководители, как правило, соглашались с моими выводами и предложениями.

«Хоп, хоп (хорошо, ладно),— говорили они. Конечно, работу надо поднять. Это очень важно. Непременно сделаем». Но тут же спешили сослаться на трудности, на отсутствие подготовленных кадров, особенно из женщин коренного населения. И они тоже были правы.

Было ясно, что нужен решительный перелом в работе, смелое выдвижение самих узбечек, киргизок, таджичек, туркменок, нужны средства, чтобы по-государственному широко решать вопросы женского образования, подготовки кадров, организации женских клубов и передвижных юрт.

Переполненная впечатлениями, с большим материалом, характеризующим обстановку и состояние работы, с пожеланиями и предложениями местных партийных комитетов и ЦК Коммунистической партии Туркестана я вернулась в Москву.

Моя командировка была первым выездом представителя отдела работниц ЦК в республики Средней Азии, и поэтому вполне оправдан был живой интерес к моим рассказам о виденном и пережитом. В первый же день приезда долго и внимательно слушала и расспрашивала меня обо всем С. Н. Смидович, на второй день мой доклад был поставлен на внеочередном заседании коллегии Отдела.

По мнению руководства, «поездка инструктора в Туркестан дала богатый материал по изучению работы в этом крае» и выдвинутые мною вопросы и предложения заслуживают внимания Центрального Комитета.

Вскоре мой доклад слушался на заседании Оргбюро ЦК РКП(б). Я очень волновалась. Без конца перелистывала свои записи, старалась наизусть заучить текст выступления. Оказалось все значительно проще. Меня на Оргбюро слушали внимательно, задавали вопросы, а когда перешли к предложениям и к вопросу о кандидатуре на заведывание женотделом ЦК Компартии Туркестана, кто-то из членов Оргбюро сказал: «Вот ее и послать». Так и было решено.

В постановлении по моему сообщению говорилось о необходимости укрепления кадрами Туркестанского центрального отдела работниц, о выделении дополнительного штата платных женорганизаторов в волостях, об организации за счет государства сети женских школ для подготовки работников из местного населения, о создании во всех партшколах Востока секций по работе среди женщин, а на рабфаках — женских отделений. ЦК РКСМ поручалось повести усиленную работу среди девушек-восточниц.

Это было первое постановление ЦК партии, специально принятое по работе среди женщин Средней Азии. Оно ставило важнейшие вопросы этой работы и привлекало к ним внимание местных партийных комитетов.

СНОВА В ПУТЬ

Осенью 1923 года я снова отправилась в Туркестан, но уже не в командировку, а на постоянную работу в качестве заведующей Отделом работниц ЦК Компартии Туркестана, а позднее — женотделом Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б).

Вместе со мной была командирована Надя Клейман, работавшая заведующей женотделом Тулы. Она приехала на неделю раньше меня. Ее и Лиду Отмарштейн, которая побывала в Семиречье с войсками Красной Армии (о ней упоминает Д. Фурманов в «Мятеже») и являлась уже «старым» туркестанским работником, я нашла в общежитии ЦК партии. Здесь не оказалось ни одной свободной комнаты, а в так называемой «общей» стояло 12 кроватей, на которых размещались не только одинокие женщины, но и матери с детьми. Отсутствие удобств мало смущало нас.

Тут же за большим столом, стоявшим посредине комнаты, мы начали обсуждение планов предстоящей работы.

Мы с Клейман волнуемся, спорим. Отмарштейн смотрит на нас несколько иронически, иногда вступает в спор, а больше улыбается и предупреждающе говорит: «Учтите, это вам не Москва!»

Это предупреждение в первые дни работы я слышала на каждом шагу. Оно отражало ту неуверенность в своих силах и пассивность, которые были характерны для большинства работников женотдела Туркестана. Исполнявшая до моего приезда обязанности заведующей Центральным отделом по работе среди женщин, заявила: «Не верю я в нашу работу. Как бы мы ни говорили, какие бы мы ни выносили постановления,— все равно ничего не выйдет».

Естественно, что при таком настроении обсуждение плана работы, представленного нами на заседании коллегии Отдела по работе среди женщин, превратилось в борьбу за каждый пункт.

«Необходимо,— говорю я,— особенно широко поставить дело организации женских клубов. Первый показательный клуб начнем создавать в старом городе».

«Знаем мы эти клубы,— скептически заявляют старожилы.— Платных работников нет, средств нет. Организуем на бумаге, а на деле получается: стоит пустая комната, называется клубом, а ходить в нее никто не ходит».

«А мы не такие клубы будем создавать,— поддерживает меня Клейман,— а с мастерской, медицинской консультацией, школой».

Переходим к пункту о подготовке работников из женщин коренного населения. Опять сомнения, опять ссылки на особые условия, на неоправдавший себя опыт. И так по каждому разделу работы. Когда же речь заходит об издании газеты для женщин на узбекском языке, сомнения переходят в неприкрытую насмешку: «Это вам не Москва. Попробуйте!»

Долго длится первое заседание коллегии. В процессе обсуждения плана я узнаю, что далеко не всем известно решение ЦК партии о работе среди женщин Туркестана. Прерываем обсуждение плана, и я знакомлю товарищей с этим решением. А когда возвращаемся к плану, от скептицизма не остается и следа. Люди почувствовали прочную поддержку и ожили. У них появилась вера в реальность обсуждаемого плана, желание осуществить намеченные мероприятия. Загораются глаза даже у скептиков. Сомнения окончательно исчезают, когда товарищи узнают, что секретариатом ЦК РКП(б) решено создать специальный фонд работы среди женщин и что нам отпущена первая тысяча рублей в этот фонд. В дальнейшем мы имели сотни тысяч, но никогда эти суммы не производили такого впечатления, как первая тысяча.

С первых дней нам нужно было четко определить формы и методы работы. Некоторый опыт в этом отношении уже имелся, но работа женотдела велась непоследовательно, особенно среди коренного населения. Это отмечалось и в обзоре состояния парторганизаций по областям Туркестана, опубликованном в «Известиях ЦК РКП(б)» за 1922 год.

В работе среди русской части населения было все ясно. Так же, как и в центральных районах страны, основной формой были делегатские собрания работниц, служащих и домашних хозяек.

Делегатские собрания необходимы были и среди женщин коренного населения. Кроме того, 2-е Всероссийское совещание рекомендовало строить женские клубы. Это было очень важно, особенно в условиях затворничества женщин. В кочевых туркменских и

киргизских районах требовались передвижные юрты (кибитки), на которые, как и на клубы, возлагалась задача пробуждения женщин к сознательной общественной и политической жизни. Вовлекать женщин в эти клубы было легче всего посредством оказания им здесь практической помощи (медицинской, юридической и различной другой). А как быть в таких городах, как Ашхабад, где почти нет коренного населения, но где, конечно, нельзя ограничиться работой только среди русских (европейцев, как здесь говорили)? Местные условия подсказывали новый тип женского клуба — Дом дехканки с общежитием для женщин, приезжающих из аулов.

В узбекских районах пришлось пойти и на организацию женских кооперативных лавок.

Там, где родители не отдавали девочек в общие школы, начали широко создаваться женские школы. Даже в комсомоле и в пионерской организации приходилось создавать комсомольские ячейки девушек и пионерские отряды девочек.

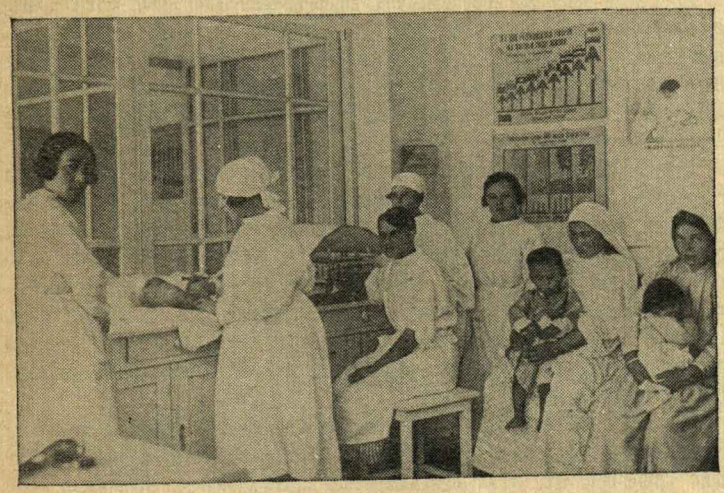
Особо стоял вопрос о работе среди женщин Бухары и Хорезма, где законы и обычаи, закрепощающие женщину, были наиболее сильны. Мне казалось, что здесь целесообразно создать женское общество, через которое можно было бы объединить хотя бы жен национальной интеллигенции и через них повести культурную и политическую работу среди женщин. Но, конечно, я была неправа. Женские общества! Это уже немножко пахло феминизмом, и недаром мое предложение на 5-м Всесоюзном совещании заведующих центральными, областными и губернскими отделами по работе среди женщин в январе 1924 г. было отвергнуто.

Так, советуясь с местными партийными работниками, передовыми людьми национальной интеллигенции, дискуссируя, используя опыт, уже имевшийся в Туркестане и в других республиках Советского Союза, мы определяли свой путь в работе, шли со своими предложениями в ЦК Коммунистической партии Туркестана, писали в Отдел работниц ЦК РКП(б), получая указания и всемерную поддержку.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Когда начинали строить первый женский клуб в Ташкенте, в успех дела мало кто верил. Заходили, смотрели на горы мусора, на камни, доски, выломанные стены и пожимали плечами: «Вряд ли что выйдет!»

Из большого дома, отведенного нам под клуб, нужно было выкроить помещение под школу, библиотеку, дет-



Медицинская консультация в женском клубе Ташкента *(1924 г.)*

скую консультацию, швейную мастерскую, зал для собраний, комнаты для работы кружков. Конечно, это было нелегкое дело. Но вот, несмотря на все трудности, 24 апреля 1924 года клуб был готов и широко открыл свои двери для посетителей. А посетители не явились. Их не было ни 25, ни 26 апреля. Тревожные дни для организаторов! Пришлось мобилизовать все силы для агитации по женским дворикам. Наконец, робко вошли 3 узбечки. Они откинули с лиц чачваны лишь после того, как убедились, что здесь нет мужчин. Осмотрели дворик, заглянули в окна всех клубных помещений, блиставших чистотой и свежестью красок, но войти в них категорически отказались. За первыми разведчиками начали

появляться другие. И скоро клуб загудел как улей. С утра — очередь узбечек с детьми в консультацию, в две смены работает школа ликбеза, систематически проводятся громкие чтения в библиотеке — всюду жизнь. На плоскую крышу забралась артель по пошивке одеял. Уже не хватает места для пионеров. Тесен зал, приходится общие собрания членов клуба (а их уже более 700) проводить во дворе.

А двор клуба не совсем обычный. По его сторонам расположены по существу не один, а четыре одноэтажных дома, составивших замкнутый четырехугольник. Все окна и двери выходят только во двор. Вход с улицы один, и тоже только во двор, а уже отсюда в любое клубное учреждение.

Клуб имел свое правление, избираемое на собрании его членов. Работа строилась по трем секциям, возглавляемым членами правления. Политико-просветительная секция организовывала доклады и лекции, кружки политграмоты и кружки художественной самодеятельности, обеспечивала работу школы ликбеза, библиотеки. Иногда лекции и доклады сопровождались экскурсиями на предприятия, в учреждения здравоохранения и народного образования.

Производственная секция руководила швейной мастерской и артелью одеяльщиц, содействовала поступлению узбечек на открывающиеся фабрики и заводы.

Секция охраны материнства и младенчества вела большую работу по санитарному просвещению.

При клубе работало делегатское собрание женщин старого города, комсомольская ячейка девушек, пионерский отряд девочек. Регулярно выходила стенная газета — орган партийной группы.

В определенные дни в клубе дежурил юрист (женщина), у которого узбечки могли получить консультацию по интересующим их правовым вопросам.

Многообразные и совершенно неожиданные случаи нередко происходили в нашей клубной жизни. Так было с «бунтом против мужчин» в драматическом кружке. До этого мужские роли исполнялись женщинами, а когда решили на мужские роли пригласить мужчин, на первой же репетиции произошел взрыв негодования. Потребовали экстренного собрания членов клуба и настояли на удалении мужчин из драмкружка.

Женский клуб в Ташкенте был первым, но очень скоро появились подобные клубы в городах и даже кишлаках Узбекистана. В 1926 году их насчитывалось уже 34 и, кроме этого, работали 30 красных уголков дехканки — клубов в миниатюре.

Разновидностью женского клуба были дома дехканки и передвижные юрты, организованные в туркменских и киргизских районах.

В Ашхабадском доме дехканки каждая женщина, приехавшая из аула, могла прожить две недели. Прежде всего, предлагалось пойти в баню. Потом, если приехавшая изъявляла желание, ей на время пребывания в Доме дехканки выдавалось европейского образца платье и белье. Если с приезжей был ребенок, его помещали в детскую комнату. С матерью проводились беседы, как ухаживать за детьми, как самой оберегаться от болезней. Тут же демонстрировалась детская постель. И это не случайно. Борьба с детской люлькой — «бишик» входила в планы нашей работы. Кто-то назвал «бишик» орудием средневековой пытки, и это, пожалуй, близко к истине.

Представьте маленький, узкий, продолговатый деревянный ящик, прикрепленный как бы к полозьям, положенным поперек и скругленным к краям, так, чтобы этот ящик можно было раскачивать из стороны в сторону. Ребенок специально сшитыми длинными свивальниками накрепко прикручивается к люльке и не вынимается из нее по нескольку дней, мать кормит ребенка грудью, наклоняясь к люльке. Для отправления ребенком естественных потребностей в «бишике» проделано круглое отверстие. От долгого лежания в люльке затылок ребенка делался плоским, а грудная клетка не могла развиваться нормально. Как было не вести борьбы с таким изуверством!

В Ашхабадском доме дехканки имелись кинопередвижка и проекционный фонарь, так что беседы часто сопровождались демонстрацией диапозитивов, картин.

Работники сельскохозяйственного техникума помогли женотделу организовать при Доме дехканки показательный огород, в уходе за которым принимали участие приезжавшие туркменки, знакомясь с новыми для них культурами и агротехническими правилами. Но больше всего интересовали дехканок швейные машины.

Их было несколько, и каждому, кто желал, предоставлялась возможность пользоваться ими. Руководительница швейного кружка помогала кроить, учила работать на машине.

При Доме дехканки существовала школа ликбеза с интернатом. Каждый выпуск этой школы давал возможность выдвигать кандидатуры туркменок на различного рода курсы: акушерские, воспитательниц детских садов, организаторов по работе среди женщин и другие.

Выезжали работники Дома дехканки и в аулы, чаще всего вместе с врачом, захватив аптечку и плакаты на туркменском языке. Плакаты привлекали внимание, быстро около них собирался народ, и начиналась беседа. Потом врач приступал к приему больных, а они всегда были. Больше всего обращались к врачу с кожными, детскими болезнями, трахомой.

Пока шел прием, агитаторы вели беседы с женщинами, заходили в кибитки. В ауле Бай, Мервского округа, мы заглянули в кибитку сестер коммуниста Бердыева.

Сестры грамотны, но тщательно это скрывают от старших. На наш вопрос, что читают, мать говорит сердито: «Разве нам есть когда читать? Нужно ткать ковры, валять кошмы, ткать мату».

Очевидно, мы допустили большую оплошность, задав вопрос при матери. А когда она выходит из кибитки, сестры спрашивают: «Кто такой Калинин?»

Брат работает в Ашхабаде, присылает иногда газеты, журналы, некоторые городские изделия. По обстановке кибитка Бердыевых мало чем отличается от остальных: в ней также нет столов и стульев, а по стенам развешаны предметы домашнего обихода, на земляном полу расстелены самотканные ковры и кошмы. Не отличается от других и одежда сестер. На них, как и на всех, широкие, из ткани собственного производства платья, высокие головные уборы. Но зато в кибитке Бердыевых несравнимая с другими чистота. Здесь пользуются мылом. Есть ручное зеркальце, поглядеть в которое приходят девушки со всего аула. Здесь есть швейная машина. И уже это немногое превращает кибитку Бердыевых в своеобразный рассадник культуры.

Но кончается прием у врача, свертываются плакаты, выездная бригада возвращается в Ашхабад.

* *
*

Клара Цеткин называла женские клубы «сборным пунктом революционных сил». Она видела их работу в Азербайджане. В своей книге «Кавказ в огне» Клара Цеткин писала: «Клуб магометанских женщин в восточных и юго-восточных республиках Советского Союза является детищем пролетарской революции, живым ее воплощением. В восточных женщинах, несмотря на отупляющие условия жизни в течение многих столетий, начинают пробуждаться сознание человеческого достоинства и стремление к приобретению человеческих прав. Клуб магометанских женщин служит в этом отношении сильным и убедительным доказательством, гораздо более сильным, чем европейский, самый модный, костюм дочери великого визиря, или обучение нескольких богатых мусульманок в Париже, Лондоне или Берлине».

В феврале 1925 года в Средней Азии побывал Михаил Иванович Калинин, участвовавший в работах I Учредительного съезда Советов Узбекистана и I съезда Коммунистической партии Узбекистана. Знакомясь с жизнью республики, Михаил Иванович зашел в один из женских клубов, а в своем выступлении на партийном съезде говорил, что такие учреждения партия всемерно должна поддерживать.

* *
*

Несомненно, клуб был основной и вполне оправдавшей себя формой работы. Но нельзя было ограничиться только клубом. Требовались разнообразные формы и методы работы, применительно к обстановке. Так, например, в кишлаке Чиназ открыли чайхану для женщин-кустарниц. Обычно, длинными рядами, поджав под себя ноги, сидели они на базаре со своими тюбетейками, терпеливо ожидая покупателя. Изнывая от жары, никогда не осмеливались зайти в общую чайхану. И неудивительно, что организация чайханы специально для женщин вызвала с их стороны всяческое одобрение. Узбечки охотно пошли в нее, а пока они с наслаждением и подолгу пили чай из расписных пиал, женорганизатор читал им что-нибудь из женской газеты «Янги Юл».

Однажды женорганизатор прочел рассказ, в котором говорилось, что заболевшая узбечка пошла не к врачу, а к мулле, который потребовал за «лечение» и забрал у нее последнего теленка, а помощи никакой не оказал. Вдруг одна из сидевших в чайхане поднялась и с волнением заявила: «Да это же я и есть. Я отдала мулле теленка».

Началось оживленное обсуждение рассказа, в результате которого сами женщины пришли к заключению, что муллы и знахари обманывают людей, что только Советская власть по-настоящему заботится о здоровье матери и ребенка.

Беседы и читки в чайхане имели большое значение. Возвращаясь с базара, женщины разносили услышанные в чайхане новости по многим кишлакам и аулам.

Мы считали необходимым использовать все возможности для пропагандистской и агитационной работы, для распространения влияния партии на широчайшие женские массы.

Этой цели была подчинена и организация женских лавок.

В некоторых туркменских районах имелись специальные женские базары, сложившиеся веками на почве религиозных празднеств. Сюда собирались тысячи женщин. Обычай строго запрещал мужчинам вход на эти базары. В Саяте, например, милиционер штрафовал каждого мужчину, пытавшегося проникнуть на женский базар. В Узбекистане же узбечка, приходившая на базар, не открывала своего лица, стеснялась войти в лавку и разговаривать с продавцом. Вот мы и решили в этих разных условиях организовать особые женские лавки.

Это не была какая-то отдельная женская кооперация, а часть общей кооперативной системы. Так, например, ташкентская женская лавка входила в сеть старогородского центрального рабочего кооператива и уже в первые месяцы своей работы насчитывала более 400 членов кооперации — узбечек. Была избрана из женщин лавочная комиссия, которая контролировала работу. Приходя в женскую лавку, узбечки снимали паранджу, не торопились уходить, разговаривали между собой и с продавщицами, делали заявки на желаемые товары. Женская лавка имела хорошо подобранный ассортимент. Здесь можно было найти различных цветов бархат, красивых

расцветок мануфактуру, «азиатского типа» калоши и многое другое. В лавке был «уголок матери и ребенка», в котором продавались приданое для новорожденного, белье, платье и другие вещи. Когда у продавщиц оказывалось свободное время, появлялась газета «Янги-Юл».

Часто в лавке можно было наблюдать, как несколько покупательниц, принеся с собой лепешки и организовав общий чай, с пиалой в руках обсуждают дела своей кооперативной лавки или беседуют по другим вопросам. Темы бесед были самые разнообразные. Так женская лавка постепенно превращалась в место общественной жизни узбечек.

Вначале лавку ежедневно посещало 80—100 женщин, а потом значительно больше. С коммерческой стороны дела также шли неплохо. Лавка не приносила убытка, а давала даже некоторую прибыль.

Женщинам нравилось, что здесь можно поговорить с людьми, послушать читку газеты или беседу, с открытым лицом выбрать нужный товар.

Большое место в партийной работе среди женщин занимали делегатские собрания. В городах они мало чем отличались от делегатских собраний центральных районов страны, в деревнях же их программа была значительно облегчена.

Ежегодные перевыборы делегаток представляли собой широкую общепартийную кампанию. Они проводились по окончании уборки хлопка. Сначала проходили собрания мужчин, на которых ставился вопрос о роли и значении делегатских собраний. Вслед за этим на женских собраниях по махалям (кварталам) выбирались делегатки, и не позднее ноября начинали работать делегатские собрания в кишлаках и аулах. Состав каждого из них не многочислен — от 20 до 50 человек. Два раза в месяц, в определенно установленные дни, делегатки собирались, заслушивали очередной по плану доклад на общеполитическую тему, а вслед за ним — один из практических вопросов (доклад местного совета, отчет делегатки о ее работе в качестве практикантки, сообщение нарсуда и т. п.). По вопросам практического характера открывались прения, принимались постановления, за выполнением которых следили руководитель делегатского собрания и местная партийная организация.

В плане, например, ставилась тема: «Что такое Советская власть и как она строится?» Вслед за докладом на эту тему обычно заслушивался доклад местного Совета или исполкома. Доклад на тему «Задачи Советской власти в области просвещения и здравоохранения» сопровождался докладом заведующего отделом народного образования, главного врача больницы или директора школы.

Все эти доклады скорее носили форму беседы, вполне доступной пониманию неграмотных и малограмотных женщин.

С учетом пожелания каждую делегатку прикрепляли для практической работы к местным советским и общественным учреждениям и организациям, руководители которых обязаны были знакомить делегаток с функциями и практической работой данного учреждения (организации). В своей работе делегатки отчитывались на делегатских собраниях и перед своими избирателями.

Вот как, например, проходили выборы и велась работа делегатского собрания в кишлаке Чиназ в 1925/26 году.

Волостной комитет партии провел совещание представителей махалинских комиссий, волисполкома, союза «Кошчи» (союз батраков и бедноты) и других кишлачных организаций, обсудив на нем вопрос о предстоящих перевыборах делегаток. После этого на собраниях дехканок было избрано 25 делегаток. Не обошлось, конечно, без трудностей. Некоторые мужья не пускали своих жен на собрания и протестовали против избрания их делегатками. Был даже случай, когда комсомолец заявил своей жене: «Если ты будешь ходить на собрания, то можешь совсем уходить из дома».

Все избранные делегатки оказались неграмотными, поэтому их в первую очередь нужно было вовлечь в школы ликбеза. Но наряду с этим они посещали и делегатские собрания, работавшие по своей программе.

Все делегатки были вовлечены в практическую работу: 7 человек проходили практику в нарсуде, 2 — в загсе, 1 — в союзе «Кошчи», 2 — в правлении кооператива, 2 — в детской консультации, 3 — в комиссии содействия земельной реформе, остальные следили за проведением в жизнь советского законодательства о женщине.

Делегатское собрание к началу полевых работ закончило свою деятельность, но и за короткий срок оно многое сделало.

Делегатки, прикрепленные к земельным комиссиям, были награждены за свое участие в земельной реформе почетными грамотами.

В нарсуде делегатки участвовали в разборе дел и резко критиковали тех народных заседательниц, которые «сидят молча, сложив руки под паранджой».

20 делегаток окончило ликбез, 13 делегаток подали заявление о вступлении в партию. Все делегатки участвовали в кампании перевыборов Советов.

Через делегатские собрания выявлялся и рос актив, включавшийся в работу по строительству новой жизни.

Молодежь, прошедшая школу делегатских собраний, шла на курсы, в рабфаки, техникумы, вузы. Проявивших себя на общественной работе делегаток народ выдвигал в члены Советов и исполкомов.

Делегатки были помощниками партии в проведении всех общеполитических кампаний. Слово «делегатка» было широко известно в массах дехкан и городских жителей. Оно одинаково, лишь с разными оттенками, произносилось на языках всех народов Туркестана и было как бы интернациональным. Слово «делегатка» характеризовало передового человека, борца за новое.

И не случайно, что против делегаток, против женского актива в кишлаках и аулах ополчались все силы старого мира. Их запугивали, избивали, всячески дискредитировали, причисляя к женщинам легкого поведения, были случаи и убийства.

В феврале 1925 года была зверски замучена басмачами делегатка Сулейманова. Мы узнали об этом во время I съезда Коммунистической партии Узбекистана. На одном из заседаний съезда тов. Гаибджанова попросила слова для внеочередного сообщения и взволнованно рассказала о том, что избранную делегаткой на I Всеузбекский съезд Советов тов. Сулейманову по дороге на съезд захватили басмачи и растерзали. Тов. Сулейманова была вдовой, имела четырех детей. Она являлась одной из активнейших работниц в Самаркандском уезде. «Я призываю всех делегатов,— говорила Гаибджанова,— немедленно выделить определенных товарищей и, выехав на места, приступить к ликвидации басмаческих шаек».

Съезд единодушно принял следующее постановление: «Первый Всеузбекский партийный съезд глубоко чтит память зверски зарубленной басмачами тов. Сулеймановой за ее работу в Чашманской волости по раскрепощению женщин. Беспредельное негодование в каждом трудящемся должно вызвать убийство одной из тех незаметных героинь, которые в темных уголках Узбекистана, под руководством Коммунистической партии проводят кропотливую работу, борясь с темнотой и невежеством, с остатками рабского прошлого.

Съезд призывает всех трудящихся Узбекистана к беспощадной борьбе с остатками басмачества, с попытками врагов рабочих и дехкан сорвать дело советского строительства в свободном Узбекистане» [1].

Съезд постановил также увековечить память тов. Сулеймановой открытием школы для девочек ее имени в кишлаке, где она жила и работала, и обеспечить ее семью.

Память делегатки Сулеймановой съезд почтил вставанием.

В апреле того же 1925 года погибла Ана Джамал — туркменка аула Геок-Тепе. Не боясь угроз, она вела активную работу среди женщин, разоблачала нарушителей советских законов, звала девочек учиться.

Кибитка Ана Джамал стояла на километр от других, и поэтому никто не слышал, как подъехали к ней в одну из темных ночей четыре всадника. Среди них был и брат Джамал, неоднократно до этого грозивший ей. Джамал не просто убили, а жестоко расправились с ней, нанеся 34 раны. Ранили и проснувшихся от шума в кибитке мужа и дочь Джамал.

Убийство Джамал и Сулеймановой не единственные случаи. Раскрепощение женщины-восточницы и приобщение ее к новой жизни вызывало жесточайшее сопротивление классового врага.

«ЗАКРЫТЫЕ УЧИТЕЛЬНИЦЫ»

Тяжелое наследие оставило колониальное прошлое. До Великой Октябрьской социалистической революции коренное население Туркестана было почти сплошь безграмотным. Только три человека из ста владели грамотой среди узбеков, еще меньше среди киргизов, и только 0,7 процента грамотных было среди туркмен. Женщины поголовно были неграмотны. Даже в 1923 году только 25 туркменок владели грамотой, единицы девочек-узбечек обучались в школах, не было ни одной учительницы из коренного населения. Правда, в Ташкенте уже четвертый год работал женский педагогический институт — Инпрос. В октябре 1923 года состоялся первый его выпуск. Окончило 7 узбечек из 23, остальные по разным причинам ушли из института, не окончив его.

Первые учительницы-узбечки! Событие, несомненно, исторического значения в культурной жизни народов Туркестана. Первые семь! На торжественный выпускной вечер были приглашены многочисленные гости. С речами выступали представители партийных и советских организаций. А семь выпускниц сидели в паранджах с закрытыми лицами, так как среди гостей были мужчины. Не открыла лица и не сняла паранджи Манзура Кариева даже тогда, когда ей предоставили слово для ответа на приветствие.

Звонкий молодой голос, приглушаемый тяжелой черной сеткой и плотной тканью паранджи, взволнованно говорил о свете знаний, о высоком долге служения народу. И было как-то особенно больно от того, что, получив образование, эта женщина осталась в паранджe, что она не осмелилась пойти против варварских вековых обычаев и диких религиозных установлений.

А ведь эта семерка — передовой отряд!

Быт оставался еще совсем не завоеванной крепостью. Здесь продолжали господствовать старые обычаи и законы.

Больных вели к знахарю и мулле, вместо лекарств — амулеты от дурного глаза, родильных домов не было, и женщины рожали над ямой с золой; среди населения широко распространялись заразные болезни.

Невежественные знахари (табибы) калечили людей, но их не выдавали, если даже лекарство табиба приводило к смерти. Однажды газеты придали широкой гласности «методы» лечения, применяемые муллой Шармагамедом Закировым. Наркомздрав решил зарегистрировать всех табибов. В отделы здравоохранения для регистрации явилось всего 36 табибов, а их только в старом

[1] «Правда Востока», 16 февраля 1925 г.

городе Ташкенте, как утверждали местные товарищи, было не меньше 300.

Главное состояло в том, чтобы поднять культурный уровень населения. Необходимо было всемерно содействовать росту школ, медицинских учреждений, пропаганде санитарно-гигиенических знаний и навыков, подготовке врачей, учителей и других специалистов из коренного населения.

Нужно было готовить работников и для самих женотделов. Три узбечки и две татарки — вот и все «местные кадры» в числе 52 работников женотделов в 1923 году, а нам с 1924 года удвоили штаты уездных работников и волостных организаторов. Проблема «коренизации аппарата» была важнейшей первоочередной задачей. С этой целью в женотделах был установлен институт платных практиканток из женщин коренного населения и организованы женские курсы волорганизаторов.

На эти курсы в 1924 году было принято 55 человек. Мы открыли их в большом загородном доме, окруженном старыми, тенистыми карагачами, в живописной местности у подножья гор, на берегу Кара-Су. Дом стоял в нескольких километрах от ближайшего кишлака, и ничто не мешало занятиям. Занятия велись в трех группах, так как на курсах оказались 22 киргизки, 24 узбечки и 9 туркменок. Все они были неграмотны и говорили только на родном языке. Основу занятий составляли: обучение письму и чтению, беседы в пределах программы школы политграмоты и по вопросам предстоящей работы среди женщин.

Работники курсов занимались со слушателями не только в учебные часы, но и по вечерам они читали им вслух политическую и художественную литературу, отвечали на многочисленные вопросы, возникающие у курсанток, организовывали их культурный отдых, прививали им элементарные гигиенические навыки. Впервые в жизни наши слушательницы узнали о том, что Земля имеет форму шара, что в воде есть бактерии и не всегда безопасно пить сырую воду и прочее. А главное, они получили представление о сущности Советской власти, о новых законах, коренным образом отличающихся от дореволюционных, о правах женщин в стране Советов.

Из окончивших курсы 33 стали волостными организаторами и работниками уездных женотделов. Несколько

человек были выдвинуты на работу в центральный и областные отделы, а 8 человек мы направили на рабфак, т. к. на курсы они приехали, порвав с семьей, и возвращение грозило им смертельной расправой.

Организацию школ для девочек мы проводили через отделы народного образования. Весь актив делегатских собраний и членов клубов привлекался к агитации среди населения за женское образование. Родители зачастую не отпускали дочерей в школы, и среди них приходилось вести большую работу.

Женские школы требовали и преподавателей-женщин. Проблема учительских кадров была острейшей. Она осложнялась еще и тем, что не у всякой учительницы соглашались заниматься. В кишлаке Чимян, Маргеланского уезда, был, например, такой случай. Организовали школу для девочек и при ней же школу ликбеза для женщин. Записались дети и взрослые, а посещать не стали. На наш недоуменный вопрос «почему?» нам ответили, что учащиеся требуют «закрытую учительницу» и не хотят заниматься у учительницы-татарки, которая ходит с открытым лицом.

Долго пришлось убеждать учащихся, что их требования неправильны.

Первые шаги были трудными, но каждый успех радовал нас. Огромным достижением к 8 марта 1925 года мы считали наличие 3200 девочек-школьниц и 51 школы ликбеза в Узбекистане; 16 школ для девочек и 4 школ ликбеза в Кара-Киргизии; 10 школ для девочек с 270 учащимися в Туркменистане.

Но скоро уже не только ташкентский Инпрос, но и педагогические институты, техникумы и годичные курсы готовили учительниц во всех республиках Средней Азии.

По договоренности с наркомпросами женотделы ежегодно получали определенное количество мест в специальных учебных заведениях и проводили большую работу по отбору, подготовке и посылке на учебу женщин и девушек. В приеме 1924/25 учебного года мы имели 200 мест, а послали 280 человек. 30 женщин оказались недостаточно подготовленными и не были приняты, но они отказались вернуться домой. С утра приходили они в женотдел и усаживались на целый день в коридоре. Пришлось искать помещение под общежитие и организовать для них подготовительные курсы.

Многие приезжали учиться вопреки запрещению родителей. Так поступила, например, Мухсатай Султанова — таджичка из города Джизака. На одном из женских собраний она узнала о правах, предоставленных женщинам советским законодательством. Вернувшись с собрания домой, Махсатай заявила родителям, что хочет поступить в школу. За это ее избили и решили поспешно выдать замуж. Махсатай запротестовала. Она заявила, что по новым законам никто не имеет права выдать замуж девушку без ее согласия, да еще за нелюбимого. Махсатай еще раз избили и заперли в темную комнату, где она просидела 34 дня, но не сдалась. Кончилось тем, что Махсатай сбежала из дома и явилась в женотдел. Несмотря ни на какие уговоры брата и проклятия матери, она не вернулась домой. И нам пришлось включить ее в состав слушательниц подготовительных курсов, а потом направить на рабфак.

Но чаще мы сталкивались с трудностями другого характера — сами женщины боялись ехать.

«На курсы в Ташкент ехать боятся,— писала заведующая женотделом Джетысуйской области.— Нашли бойкую киргизку. Согласилась. Ждали три дня, пока шел съезд «Кошчи», на котором она участвовала. Накануне отъезда отказалась, говоря, что у нее ребенок болен и что в Ташкенте чума. Наметили кандидатуру таранчинки. Каждый день я заходила и напоминала. Оказалось, что заболела и ехать не может. Зав. уйгурской секцией указывал, почему не берем уйгурку. Говорю — давайте. Обещал прислать тотчас же. Через день выяснилось, что поехать не может».

Но все эти трудности преодолевались. С каждым годом увеличивалось количество школ и учащихся, росли кадры учителей, медицинских работников из числа женщин всех национальностей среднеазиатских республик. Эти кадры мы старались приблизить к женотделам, так как они играли огромную роль в воспитательной работе среди женщин.

Но и среди самих этих кадров требовалась большая политико-воспитательная работа, так как враждебные элементы пытались влиять как на молодую интеллигенцию, так и на молодежь учебных заведений. Об этом ярко свидетельствует факт образования в старом городе

кружка учительниц под названием «Молодые силы» с определенно пантюркистским направлением.

Среди членов кружка усиленно пропагандировались произведения одной из турецких писательниц, а мероприятиям партии и Советов по раскрепощению женщин противопоставлялись турецкие реформы в разрешении «женского вопроса». Руководители кружка пытались через учителей протащить свои пантюркистские взгляды и настроения в среду учащейся женской молодежи. Конечно, все это они делали скрытно, и тем труднее было их разоблачать.

В идеологической борьбе с чуждыми влияниями, с попытками протаскивания буржуазно-националистических взглядов неоценимую роль играла печать и, в частности, специальная газета для женщин «Янги Юл» («Новый путь»), реорганизованная позднее в журнал. Она выходила на узбекском языке и в первое время имела небольшой тираж — 1500 экземпляров. Но это уже был орган женотдела, правильно разъясняющий политику партии в национальном и женском вопросах. Во всех вузах и техникумах в учебную программу были включены лекции по теории и практике партийной работы в области раскрепощения женщин.

Пытались мы использовать и такое сильнейшее орудие пропаганды, как кино. По заказу женотдела была создана кинокартина «Мусульманка». Съемка производилась в Бухаре. В помощь киноработникам был привлечен женский актив. Художественные достоинства кинокартины, наверное, были не велики, но зато на экране впервые был показан быт таким, как он есть. И это явилось поистине потрясающим событием для местных жителей.

В решениях второго краевого совещания работников среди женщин Средней Азии, проходившем в октябре 1925 года, имеется такой пункт: «Из средств проката кинокартины «Мусульманка» организовать при краевом женотделе кинофонд и продолжить работу по созданию бытовых картин и кинохроники, отражающей жизнь и работу женщин коренного населения». Но вскоре в республиках уже оформились соответствующие учреждения по производству и прокату кинокартин, и отделу партийного комитета этим делом заниматься, конечно, не требовалось.

Трудно переоценить значение работы медицинских учреждений в борьбе за новый быт. Врачи, фельдшера, акушерки были одними из наиболее действенных помощников в работе по раскрепощению женщин. При самом активном их участии создавались кружки охраны материнства и младенчества, устраивались лекции и доклады по санитарии и гигиене, открывались в женских лавках уголки «Мать и дитя», где можно было приобрести предметы, необходимые в уходе за ребенком.

Чтобы сделать народ культурным, нужно прежде всего научить мать пользоваться мылом. Так примерно сказал М. И. Калинин, выступая на первом партийном съезде Узбекистана.

И действительно, нужно было видеть эту работу по санитарному просвещению, чтобы достойным образом оценить ее. Вот передвижная кибитка (юрта), в которой, кроме организатора по работе среди женщин (он же заведующий кибиткой), есть еще педагог и медицинский работник. Каждые утро и вечер в кибитке поливается пол, чтобы не было пыли. Скоро так начинают делать и во всех других кибитках. В «Красной кибитке» тщательно моют посуду, и это тоже вызывает подражание. Работники кибитки отобрали самых грязных ребят, в присутствии матерей вымыли их, начали лечить их головы от парши. Не сразу, а лишь убедившись по результатам, матери тоже начинают купать ребят, следить за чистотой. Веселеют лица детей и взрослых.

Это ли не достижение! Достижением является и такой случай, когда в женский клуб приносят старую люльку («бишик»), так как вместо нее для ребенка приобретена кроватка.

Как бесконечно важно быстрее и больше создавать учреждений здравоохранения и народного образования: школ, вузов, акушерских пунктов, консультаций, больниц, яслей!

Но на это нужны были огромные средства, а страна еще не восстановила народного хозяйства, не залечила раны, нанесенные империалистической и гражданской войнами, иностранной интервенцией.

Отряды иностранных интервентов, проникшие на территорию бывшей Закаспийской области, нанесли народам Туркестана ущерб, исчисляемый сотнями миллионов рублей.

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ЗАКОНЫ

С первых дней Советской власти в Туркестане были приняты законы о равноправии женщин, о запрещении многоженства, выдачи замуж малолетних, запрещении калыма и пр.

В феврале 1925 года было опубликовано обращение ЦИКа СССР «К народностям Советского Востока», в котором изложены все права женщин, предоставленные ей советским законодательством.

«Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР,— говорится в обращении,— призывает трудящихся всех национальностей Советского Востока неуклонно следить за проведением в жизнь законов, ограждающих права женщины, бороться со всеми видами закрепощения ее и принимать все меры к привлечению труженицы Востока к участию в общественной и политической жизни на всех ступенях государственной работы» [1].

Это обращение ЦИКа СССР предлагалось перевести на языки восточных республик, зачитать на заседаниях Советов, на съездах и конференциях, вывесить на видных местах в исполкомах, школах, вузах.

Нечего говорить, что в первую очередь за это дело взялись женотделы. Популяризация советского законодательства о женщине была одной из важнейших наших задач. В печати, на партийных, комсомольских, профсоюзных собраниях, на беспартийных конференциях дехкан ставили мы вопрос о раскрепощении женщин, о проведении в жизнь советского законодательства.

При женских клубах создавались юридические консультации. Женщины коренного населения привлекались к работе судебных органов в качестве народных заседательниц и практиканток. Для участия в разборе наиболее важных дел в судах женотдел выделял своих правозаступниц. В махалинских (квартальных) комиссиях работали делегатки, следившие за тем, чтобы не нарушались советские законы о женщине.

Позднее при центральных исполнительных комитетах республик и Киргизском облисполкоме были созданы комиссии по улучшению труда и быта женщин. В их

[1] «Коммунистка» № 3, 1925 г., стр. 4.

задачи входило наблюдение за проведением в жизнь советского законодательства, содействие его осуществлению, проявление инициативы в пересмотре (если это требуется жизнью) существующих и выработке новых законов.

С какими вопросами правового характера сталкивались мы в своей работе, ярче всего могут рассказать заявления, которые мы получали сотнями.

Вот некоторые из них:

Джули Анан Дурды, житель туркменского аула Хуросань, пишет: «Два с половиной года тому назад я купил себе жену Агбиш Якши Мурат-Газы из аула Акаш Алата Илоранской волости, заплатив за нее 250 пудов пшеницы, два халата, 25 кошм. Через 6 месяцев жена поехала в гости к отцу и не вернулась. Когда я пришел за ней, у меня попросили еще 50 пудов пшеницы и обещали привезти жену через три дня. Потом меня вызвали к отцу. В юрте сидело 20 туркмен родственников, которые предложили мне дать развод, но я отказался приложить палец к разводной бумаге.

Через несколько дней меня поймали на базаре и чуть не убили, требуя развода. Мне посоветовали после этого уехать из аула, и я уехал. Отец же продал мою жену Сары Мурыдову. Меня научили подать в суд, и я себе жену вернул, но через три месяца отец сам поселился у меня. Я кормил его и его брата, который часто ходил к нам. Однажды, когда я был по дехканскому делу в поле, отец с братом мою жену украли, увезли в другой аул, скрывали, а через 8 дней продали ишану Назар за 5 баранов. Аул стал презирать ишана за то, что священное лицо могло взять не разведенную с мужем жену. Ишан жену отпустил, но отец сказал ей, что я умер, и снова продал ее за 20 пудов пшеницы Ана Куль».

Джули Анан Дурды просил помочь ему вернуть жену.

Кули Ашеров, член партии, подал заявление в женотдел с просьбой «предоставить ему жену». «Овдовев четыре месяца тому назад,— пишет он,— я имею желание жениться второй раз, так как в доме необходима хозяйка, но жениться второй раз в ауле я не имею средств, так как за жену нужно платить пятьдесят верблюдов, а посему прошу женотдел предоставить мне жену, если таковая выразит желание».

Заведующая женотделом ЦК Коммунистической партии Туркменистана сообщала: «Есть заявления от дехкан с просьбой понизить цены на женщин, так как бедняцкое население не имеет возможности купить себе жену, а этим обусловливается целый ряд положений в дехканском хозяйстве, например, водопользование».

Конечно, все это звучит сейчас как анекдот, а тогда это были жизненно важные для туркменского крестьянства вопросы.

Еще больше получали мы заявлений от самих женщин с просьбой о защите и помощи.

«Я жительница Актюбинского аула,— пишет Джангдай Бабабекова.— По нашему обычаю мои родители сосватали меня, когда мне было 5 лет. Когда мне исполнилось 13, меня отдали замуж тому человеку, который сватал. Через некоторое время мой муж женился на другой, потом на третьей. Мы, три женщины, не могли жить спокойно, и я ушла. Родители мои умерли, и я стала жить у дяди.

В один день мой дядя приходит и заявляет, что он продал меня за 8 тысяч гражданину Турды-Чинасской волости, аула Кутерме. Всей силой старалась я отказаться, но не могла. Через месяц пришел мой покупатель и увел меня домой. Он буржуй, у него 150 баранов, коров, лошадей, но все-таки я не могла жить и через 4 месяца убежала. Муж требует, чтобы я вернула деньги, потраченные на свадьбу. У меня их нет. Прошу женотдел содействовать в освобождении меня от этой платы».

Таджигуль Курбасова просит помочь получить развод. Она пишет: «Мне было 11 лет, когда меня выдали замуж за 35-летнего. Теперь мне 16 лет, с мужем не хочу жить».

А вот письмо из кишлака Джуму Базар, в котором Гульсук Биби пишет: «Мать моя по темноте хочет выдать меня третьей женой за 40-летнего. Я не хочу выходить. Укажите закон, чтобы можно было выйти за другого».

«Прошу помочь мне,— пишет Саидат Шайаус,— разобрать мое дело, за которым я прошла пешком 80 верст. Я хочу вернуть имущество и пять моих детей, взятых у меня братом моего мужа после того, как мой муж умер и я вышла замуж второй раз. Меня выгнали из дома и взяли у меня детей».

Одна делегатка сообщает, что Джерабай Райскулов, несмотря на слезы своей 8-летней дочери Турсун Гуль, продал ее за три лошади, одного быка, одну корову, и спрашивает, как быть?

Все эти человеческие документы говорят об изуверских обычаях и законах прошлого, которые упорно держались и не хотели уступать места новому.

В следственных и судебных органах не всегда с должным вниманием относились к таким заявлениям.

Через комиссии ЦИКов по улучшению труда и быта женщин мы неоднократно производили обследования следственных и судебных органов и всякий раз обнаруживали вопиющие непорядки, а иногда и скрытый саботаж при проведении советского законодательства о женщине. Например, обследование в округах Ашхабадском, Мервском и Ленинском показало, что за 1925—1926 годы здесь было возбуждено 30 дел об убийствах женщин-туркменок, и ни одно не было рассмотрено. Работники, которым надлежало это сделать, очевидно, сами придерживались адата, по которому виновные не подлежали наказанию за убийство женщин, нарушивших старые обычаи. Причинами убийств были уход без разрешения родителей или мужа на учебу, отказ от жениха, за которого была просватана еще в раннем детстве, агитация против старых законов и обычаев и т. п. В этих округах не решались в пользу женщины и дела о разводах. Обследование установило, что более 80 процентов заявлений, поданных женщинами о разводе, имели основательную причину: у одних муж — опиумщик, другие не желают быть 3-й или 4-й женой, и т. п. Ясно, что и здесь над судебными работниками довлели пережитки старого. Не случайно один из них заявил: «Всякий развод по желанию жены, какая бы ни была причина,— моральное убийство мужа».

Слабость, а иногда и бездеятельность следственных и судебных органов были одной из причин того, что некоторые женотделы начали присваивать несвойственные им функции.

Под давлением многочисленных и настойчивых письменных и устных обращений за помощью некоторые работники женотделов вызывали, иногда даже при помощи милиции, виновного и заставляли давать подписку о том, что не выдаст замуж малолетнюю дочь, не будет

чинить препятствий при поступлении на учебу и т. д. Работники милиции и сами нередко дела, касающиеся женщин, передавали в женотделы.

На партийных собраниях женотделы все чаще подвергались критике за то, что они незаконно берут на себя функции судов и загсов, что они превращаются в бракоразводные учреждения, что своими решениями лишают бедняка жены.

К этому нельзя было не прислушаться. Вопрос о правовой работе и, в частности, о нашем отношении к разводам занял основное место в повестке второго краевого совещания женотделов и стал предметом обсуждения в Среднеазиатском бюро ЦК ВКП(б).

В специальном циркуляре «Всем парткомам и членам партии Средней Азии» Среднеазиатское бюро ЦК ВКП(б) указало, что проведение советского законодательства о женщине лежит не на женотделах, а на советских судебных и административных органах, в которые необходимо широко вовлекать женщин коренного населения как в качестве народных заседательниц, так и постоянных работников.

Совместно с руководителями Наркомюста мы разработали подробную «Памятку народной заседательницы», которую Среднеазиатское бюро ЦК рекомендовало и всем работникам судов, следственных органов и милиции.

В 1926 году уже не единицы, а сотни женщин работали в качестве народных заседателей. Начали появляться женщины коренного населения и среди постоянных работников судебных органов.

Вопреки происках врагов и сопротивлению сил старого мира новая жизнь все шире пробивала себе дорогу. Женщина-восточница решительно сбрасывала с себя веками сковывавшие ее законы и обычаи. Это тревожило мусульманское духовенство. Оно не могло смириться с тем, что веками беспрекословно покорные и послушные женщины стали уходить из-под влияния ишанов и мулл. Авторитет правоверных служителей Магомета колебался.

Вместе с тем мусульманское духовенство понимало, что не в силах остановить бурно идущий процесс раскрепощения женщин, что угрозы и проклятия ни к чему не приведут, и некоторые начали перестраиваться. Когда в

1926 году мулла Фазыльджан Макзум выступил против женских собраний и против школ для девочек, в газете «Фергана» появилась статья муллы Урунбаева, направленная против Макзума. Урунбаев пытался доказать, что коран обеспечивает женщине равные права с мужчиной перед богом, что женщина наравне с мужчиной может совершать намазы (молитвы) пять раз в день, ходить в гости, на базары, учиться, получать образование.

Он напомнил Макзуму, что на свете все прогрессирует и что с появлением паровоза сам Макзум не пойдет, например, в Бухару пешком, а поедет поездом.

Другой мулла, Зукредтин-Аглям, выступил со статьей, в которой даже утверждал, что в коране нет чадры для женщин.

Мусульманское духовенство пыталось развернуть свою работу среди женщин. В кишлаках Ферганской области мы обнаружили воззвание к женщинам, подписанное «заведующей женотделом мусульманского Центрального духовного управления Мурсали-Биби». В воззвании говорилось:

— «Уважаемые подруги! Среди мусульманок наблюдается значительное падение веры в ислам, что является плохой стороной вашей жизни. Среди людей, не имеющих религии, нет уважения друг к другу, благодаря чему они живут, как животные...»

Воззвание заканчивалось призывом к родителям:

«Великие родители! Если в свободное время вы не будете учить свою семью и приближенных религии, то будете бесчестными людьми, в то время как проводимое нами религиозное воспитание женщин приводит нас к богу».

Враг женских свобод менял позиции, но продолжал действовать. Однако успехи социалистического строительства с каждым днем все более выбивали у него почву из-под ног.

ОСНОВА ФАКТИЧЕСКОГО РАВНОПРАВИЯ

В. И. Ленин учит, что только участие женщины в общем производительном труде обеспечит ей фактическое равноправие с мужчиной. Мы понимали это и важнейшей задачей своей работы считали наиболее широкое

вовлечение женщин коренного населения в общественное производство.

Возможности к этому вначале были крайне ограниченны. Ведь дореволюционный Туркестан был отсталой аграрно-сырьевой окраиной. Колонизаторы не строили здесь фабрик и заводов, а хлопок и другое сырье вывозили на свои предприятия в центральные районы. Характерно для колониальной политики прошлого, что, будучи основной хлопковой базой страны, Туркестан не имел своей текстильной промышленности. Немногие существовавшие предприятия были заняты первичной переработкой сельскохозяйственной продукции: очисткой хлопка, сушкой фруктов и т. п.

Но и эти предприятия в 1924 году не все действовали, так как в народном хозяйстве Средней Азии еще не полностью были ликвидированы разрушительные последствия тяжелых лет гражданской войны, иностранной интервенции, басмачества. Узбекистан насчитывал немногим более шести тысяч рабочих, главным образом железнодорожников, среди которых мало было узбеков и совсем не было узбечек. В остальных республиках рабочих было значительно меньше, а в некоторых — почти не было. Так, например, в Таджикской республике к моменту ее образования было лишь 200 рабочих. Среди них таджики насчитывались единицами, а таджичек вообще не было. Иначе обстояло дело в кустарной промышленности. Здесь значительное место занимал женский труд.

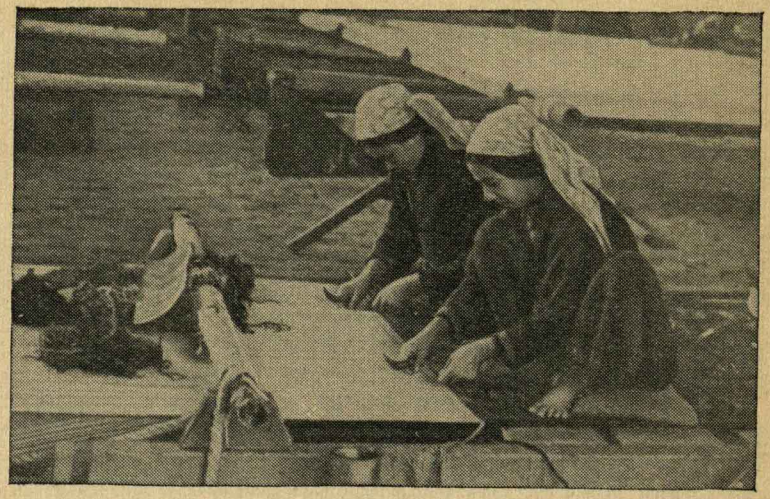
Изготовление ковров, кустарное производство шелковых и хлопчатобумажных тканей, вышивание тюбетеек и прочее являлось делом прежде всего женских рук. Заработок же целиком шел в распоряжение мужа.

Работа среди женщин, занятых в кустарном производстве, была одной из важнейших задач женотделов.

Совместно с союзом кустарно-промысловой кооперации мы вели работу по кооперированию, по созданию женских артелей.

В первую очередь они появились при женских клубах. За короткий срок здесь было объединено более 800 узбечек. Особенно большое внимание уделялось организации ковровщиц Туркмении.

Уменье ткать ковры присуще каждой туркменской женщине. По обычаю, каждая девушка, выходя замуж,



Ковровщицы за работой
(1925 г.)

должна была привезти в дом жениха ковер, сотканный ее руками. Изготовление ковров — это сложный, изнурительный труд. Мне приходилось видеть, как женщина-туркменка часами сидит на корточках, быстро переплетая нити и воспроизводя на память причудливый узор ковра. В ее руках только один инструмент в виде небольшой металлической лопаточки, которым она и обрезает и плотно подбивает поперечные нити ковра. Работа идет медленно. За неделю — несколько сантиметров, несмотря на 12—16-часовой труд ежедневно.

Женотделы настойчиво ставили вопрос об облегчении труда ковровщиц. Мы просили руководителей кооперации продумать вопрос об изменении положения рамы, чтобы ковровщица могла стоя или сидя работать.

Мы придавали большое значение и таким вопросам, как порядок приема в члены артели и расплата за продукцию. Мы требовали, чтобы не глава семьи, а сама ковровщица зачислялась в члены артели и чтобы не с мужем или отцом, а с ней непосредственно производился расчет при выполнении заказа.

Это были важные мероприятия, воспитывающие у женщины чувство человеческого достоинства, экономическую самостоятельность, менявшие отношение к ней в семье и обществе.

В 1925 году работало уже 27 артелей ковровщиц, в которых состояло 924 туркменки. Радовал массовый приток новых заявлений желающих вступить в кооперацию. Их было 2830 по Мервскому округу, более тысячи по Байрам-Алийскому и сотни по другим округам.

С каждым годом росли возможности вовлечения женщин в промышленное производство. Заканчивалось восстановление старых, строились новые предприятия. В 1925 году вступили в строй консервная и табачная фабрики в Ташкенте. Наметился пуск сахарного, целлюлозного, цементного заводов. Приступлено было к проектированию текстильных фабрик в Узбекистане и Туркменистане. Перед женотделами вставали новые задачи. Нужно было усилить вовлечение женщин в производство и совместно с профсоюзами широко развернуть воспитательную работу среди работниц, организовать их производственную учебу.

Не имевшие ранее никакого представления о фабрично-заводском производстве женщины вначале давали крайне низкую производительность труда, долго не могли привыкнуть к производственной дисциплине. Но все это было временным явлением.

На 1 января 1926 года на предприятиях Узбекистана работало уже более 1600 узбечек. Это в два раза превышало цифру, которая называлась еще полгода назад.

Мы всемерно содействовали вовлечению женщин и девушек в школы фабрично-заводского ученичества и на различные профтехнические курсы, добивались создания и специальных школ для женщин. В Ташкенте была организована женская школа ткачества на сто человек. В Фергане многие узбечки освоили работу на шелкомотальных фабриках. Десятки узбечек и туркменок направлялись учиться на текстильные фабрики Москвы и Подмосковья.

* *
*

По-своему решались вопросы женского труда в сельском хозяйстве. Здесь проводилась работа по вовлечению дехканок в различного рода сельскохозяйственные кооперативы: по сбыту молока, шерсти, по разведению

шелковичных червей и получению коконов и др. Но основным и решающим явилась земельная реформа, уравнявшая женщину с мужчиной в правах на землю и воду.

В наиболее передовых областях она проводилась в конце 1925 года, повсеместно же закончилась лишь в 1928 году.

До реформы земля принадлежала богатеям, беднота страдала от безземелья и малоземелья.

Бедняцкие хозяйства, составлявшие больше 75 процентов всех крестьянских хозяйств, имели меньше земли, чем кулаки и мелкие помещики, составлявшие всего 8,5 процента.

Беднота вынуждена была работать на бая. Некоторые баи имели десятки батраков. Но главной формой эксплуатации было чайрикерство: бедняк работал со своим инвентарем на земле бая, получая за это четвертую часть урожая.

Землевладелец без всякого труда получал три четверти урожая и не был заинтересован в повышении техники обработки земли. Не был в этом заинтересован и бедняк, работавший на чужой земле.

В сельском хозяйстве господствовали допотопные орудия — деревянная соха и кетмень.

Земельная реформа снимала феодальные путы с землепользования и открывала простор для развития производительных сил в сельском хозяйстве.

Прежде чем издать декрет о земельной реформе, Коммунистическая партия провела большую подготовительную работу. Нужно было внимательно изучить исторически сложившиеся в Средней Азии земельные отношения, все подсчитать и взвесить, чтобы не затронуть интересов середняка; найти средства для оказания помощи инвентарем и семенами хозяйствам бедноты, получавшим землю. Требовалась большая идеологическая работа, чтобы организованно провести реформу и своевременно дать отпор сопротивлению врага.

Декретом о национализации земли уничтожались все документы, связанные со старыми земельными отношениями, устанавливалась норма наделения землей в 3—4 гектара.

В первую очередь землю получали чайрикеры, которые ее обрабатывали, после чего излишки передавались для наделения безземельных и малоземельных дехкан.

В земельный фонд входили не только отобранные у кулаков и баев земли, но и земли, принадлежавшие мечетям (вакуфные), государственные и вновь орошаемые. И все же наличной земли не хватало, чтобы удовлетворить всех, кто имел на нее право. Перед партийными и советскими организациями все острее вставал вопрос ирригационного строительства. Уже по плану 1925 года предполагалось за счет вновь орошаемых площадей увеличить земельный фонд на 53 тысячи гектаров.

При наделении бедняцких хозяйств инвентарем ставилась задача «снабдить дехканина орудием европейского типа». Плуг приходил на смену деревянной сохе.

Земельная реформа решала вопрос не только о земле, но и о воде и по существу была земельно-водной реформой.

До этого весь водораспределительный аппарат (мирабы, арык-аксакалы) был в руках феодально-байской верхушки. Теперь распределение воды переходило к органам Советской власти. Это был еще один решающий удар по господству нетрудовых элементов в деревне.

Земельная реформа уравнивала женщину с мужчиной в правах на воду и землю, подрывая экономические корни угнетения женщины.

До земельной реформы во многих областях существовал порядок, по которому неженатые мужчины и все женщины пая воды, а следовательно и земли, не получали. Вдова после смерти мужа не имела права на его надел. Чтобы стать земледельцем, нужно было жениться, а чтобы жениться, необходимо уплатить за невесту калым.

Не всякий имел средства, чтобы купить жену и тем самым получить права на воду и землю. Бедняки многие годы работали батраками, чтобы накопить средства на калым. А баи использовали такой порядок и умножали свои земельные угодья. «Концентрация земель в Сурхан-Дарьинской области,— говорил один из делегатов II съезда Компартии Узбекистана,— проходит главным образом по линии многоженства и младоженства, так как землей владеть имеет право по установившейся традиции только женатый человек, и баи женят своих мальчуганов в 9—10 и 11 лет».

Земельная реформа кончала с такими порядками и традициями.

Наделение землей проводилось по хозяйствам, и все женщины, возглавляющие хозяйство, получили земельный надел. Это были главным образом вдовы. Женских хозяйств, получивших землю, было немного — 2100 в Туркменистане и примерно столько же в Узбекистане. Но важно было не количество, а факт признания за женщиной одинаковых прав с мужчиной.

Более пяти тысяч женщин побывало на конференциях дехкан, обсуждавших вопросы земельной реформы. Проводились и специальные женские собрания по этим вопросам. Они отличались большой активностью женщин.

На совещании женского актива Ферганской области докладчику было задано 47 вопросов, десятки женщин участвовали в прениях. Всех волновали вопросы об инвентаре, о семенах и многие другие, связанные с земельной реформой.

Немало дехканок работало в земельных комиссиях. Узбечка Ишанбаева получила земельный надел, добилась через земельную комиссию наделения землей еще пяти дехканок и отправилась в соседний кишлак, чтобы рассказать об этом женщинам.

— Чего боитесь? — говорила она тем, которые отказывались пойти на собрание.— Это Ленин дал нам свободу и землю.

Член ЦИКа Узбекистана Назарова, узнав о земельной реформе, немедленно выехала в свой кишлак Кассан, Наманганского уезда. Уполномоченный по проведению земельной реформы в этом уезде писал потом в своем отчете:

— Приехала Назарова и говорит: «Почему женщинам землю не даете?» Собрала много женщин, привела их в земельную комиссию. Мы спрашиваем:

«Вы просите землю, а как вы ее будете обрабатывать?»

Они говорят: «Мы пойдем в артели батраков и будем им полоть и убирать, а они нам за это запашут». А потом говорят: «У нас есть еще трактористка Якубова. Она сейчас в соседнем кишлаке. Мы ее вызовем, и она нам запашет».

Так и пришлось пяти женским артелям в Кассане выделить 400 танапов земли. Этим же артелям позднее выделили семена ячменя, клевера, дали 4 лошади, 4 быка.

Одна из делегаток Сыр-Дарьинской области рассказывала: — Приехала к нам из женотдела т. Аксентович и сказала, что женщины тоже могут получить землю. Я пошла в земельную комиссию и получила,

Шамсикамар (Тамара) Гаибджанова
(1925 г.)

потом собрала женщин, и мы со знаменем пошли в другой кишлак. Женщины испугались, а мы сказали: «Что мы, басмачи что ли? Мы пришли рассказать вам о земельной реформе».

Так и перекатывалась из кишлака в кишлак новость о правах женщины на землю. «Разве и женщинам давать будут?» — удивленно спрашивали мужчины и по-

лучали утвердительный ответ. Случалось и так, что местные работники пытались умолчать о правах женщин на землю, но эти попытки быстро разоблачались.

Пережитки старого были еще настолько сильны, что иногда земельный участок, выделенный женщине, записывался не на ее имя, а на имя малолетнего сына. Таких случаев было около 200 только по Андижанскому уезду. Мы постарались через газету «Правда Востока» придать им широкую гласность, чтобы подобных случаев не допускалось.

Цепляясь за землю, баи шли на всякую хитрость, чтобы обмануть земельные комиссии и крестьян.

Некоторые из них направляли заявления в земельные комиссии о том, что они согласны добровольно передать землю чайрикерам, а при проверке оказывалось, что земля роздана родственникам.

Перестраивались и муллы. Они понимали, что не в состоянии помешать земельной реформе, и поэтому начали объявлять себя ее сторонниками. Некоторые муллы выступали даже в печати за земельную реформу, ссылаясь на коран, где отыскали какие-то строки о том, что земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает. Но все прекрасно понимали, что это лишь маневр. На деле земельная реформа вызывала бешеное сопротивление эксплуататорских элементов. Проявлялось оно в самых различных формах: запугивание дехкан, распространение провокационных слухов, скрытие действительных размеров своего земельного участка при учете, избиение и даже убийство отдельных членов земельных комиссий. Но ничто не могло остановить осуществление земельной реформы. Даже там, где она должна была проводиться еще через год-два, крестьянская беднота уже почувствовала свою силу. Не случайно баи Хорезма начали жаловаться, что чайрикеры выходят из повиновения и отказываются уплачивать им прежнюю львиную долю урожая.

Земельная реформа играла огромную роль в раскрепощении женщины, которая на деле становилась равноправной с мужчиной.

Проведение земельной реформы повысило политическую активность женщин. Это ярко проявилось во время первых же выборов в Советы, проходивших после проведения земельной реформы.

Более 32 тысяч узбечек участвовало в выборах по одной Ферганской области. Сотни женщин были избраны членами Советов, а некоторые даже председателями сельсоветов.

Одиннадцать женщин вошли в состав Узбекского Центрального Исполнительного Комитета. Член ЦИКа Гаибджанова в прошлом работала санитаркой в больнице. В первые же годы Советской власти она включилась в ряды строителей новой жизни. В 1921 году Гаибджанова вместе с другими женщинами из Туркестана была на экскурсии в Москве. Это она приветствовала 2-ю Международную конференцию коммунисток.

В состав Туркменского ЦИКа была избрана Эне Кулиева — дочь батрака, проданная в ранней молодости за калым рабочему железнодорожных мастерских в Кизил-Арвате.

Муж Эне оказался передовым человеком. Он не мешал ей вести общественную работу и учиться. В 1924 году в ленинский призыв Эне Кулиева вступила в Коммунистическую партию. Она вела большую работу среди женщин, последнее время была заместителем заведующей женотделом ЦК Компартии Туркменистана, участвовала в работе 3-го Всесоюзного совещания работников среди женщин Востока. Болезнь и преждевременная смерть этой замечательной туркменской женщины была для нас тяжелой утратой.

Трудно приходилось женщинам пробивать себе дорогу, завоевывать признание у населения, не вполне отрешившегося еще от старых законов и обычаев.

Бывали случаи, когда избранных на руководящие посты просто игнорировали. Мне вспоминается случай, происшедший в Бухарском районе. К председателю ЦИКа Узбекистана тов. Ахун-Бабаеву пешком за много километров пришла с жалобой женщина, избранная председателем сельсовета. «В Совете две комнаты,— рассказывала она,— в первой сидит секретарь, во второй — я. Он сидит и всех принимает, а ко мне не пропускает ни одного человека. Я сижу в задней комнате, и ко мне никто не проходит».

Председатель ЦИКа сказал ей, что секретаря снимут и вместо него дадут ей хорошего помощника, послал об этом распоряжение в райисполком, но там работал дядя этого секретаря, и он не выполнил распоряжения

Ахун-Бабаева. Тогда эта женщина второй раз пришла к председателю ЦИКа и добилась, чтобы сняли секретаря, мешавшего ей работать.

Женотделы помогали росту политической активности женщин. Нужно было добиться поголовного уча-

Эне Кулиева
(1925 г.)

стия их в выборах в Советы. С этой целью практиковались предвыборные женские собрания, использовался опыт посылки индивидуальных повесток с приглашением прийти на выборы, так как такая повестка помогала обойти шариат. По шариату женщина не

имеет права выйти из дома без уважительных причин. Повестка оказывалась уважительной причиной, и даже муж не мог возразить против этого.

С избранными в Советы мы вели работу через аппарат исполкомов: созывали совещания по обмену опытом работы, создавали краткосрочные курсы, командировывали опытных работников для оказания помощи на местах.

Но все это были лишь первые шаги по вовлечению женщин коренного населения в органы государственного управления.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ РАЗМЕЖЕВАНИЕ

Беспримерным событием в истории народов Средней Азии явилось национальное размежевание.

Многонациональный состав населения Туркестана, Бухары, Хорезма в условиях существования эксплуататорских классов порождал национальный антагонизм, которым выгодно пользовались классовые враги. Они разжигали национальную рознь, чтобы скрыть за ней классовые противоречия.

Равенство наций и право каждой нации на самоопределение — основа национальной политики нашей партии, руководящий принцип в ее практической деятельности. Но объективные условия Средней Азии лишь в 1924 году позволили поставить вопрос о национальном государственном размежевании. 24 марта 1924 года пленум Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) принял решение о своевременности этого важнейшего мероприятия и создал специальную комиссию для подготовки его осуществления.

Многое нужно было сделать этой комиссии. Прежде всего требовалось точно установить национальный состав жителей каждого населенного пункта, выяснить экономические связи и особенности каждого района.

По Бухарской и Хорезмской республикам вообще не было никаких современных статистических материалов о населении и народном хозяйстве. Литературные источники давали устаревшие и неполные сведения. Пришлось организовать специальные экспедиционные обсле-

дования. Но и при этом в ряде случаев встречались непреодолимые трудности. Так, отрядам обследователей не удалось проникнуть в кочевые туркменские районы Хорезма, где в то время хозяйничал Джунаид-хан, объединивший несколько племен и еще не сложивший оружие перед Советской властью.

Не проникли обследователи и в некоторые селения Восточной Бухары, где продолжали действовать шайки басмачей. Все же в течение нескольких месяцев комиссия подготовила материал, который был необходим для решения ряда вопросов национального размежевания и, в частности, некоторых спорных вопросов.

Не всегда обсуждение их проходило в спокойных тонах. Однажды дошло до того, что Средне-Азиатское бюро ЦК вынуждено было специальным решением указать некоторым членам комиссии на неправильное поведение и призвать их к порядку. Осуждены были попытки превратить интернациональную кампанию по размежеванию в территориальные споры с вовлечением в них населения.

Вопросы национально-территориального размежевания широко освещались в печати и на собраниях рабочих и дехкан. Женотделы развернули широкую работу среди женщин, разъясняя эти вопросы на общих собраниях женщин и на делегатских собраниях.

В сентябре 1924 года были обнародованы постановления Туркестанского и Хорезмского центральных исполнительных комитетов и 5-го Курултая (съезда) Бухарской республики о национальном размежевании.

«Выражая верховную волю народов Бухары,— говорилось в решении 5-го Курултая,— объявляем согласие на образование совместно с узбеками Туркестана и Хорезма — Узбекской Советской Социалистической Республики и Таджикской автономной области. Выражаем также братское согласие на вхождение туркменского народа Бухары в состав Туркменской Советской Социалистической Республики. Курултай решительно устанавливает необходимость вхождения Узбекистана и Туркменистана в СССР».

Такое же примерно решение приняла Хорезмская республика.

3-я Чрезвычайная сессия ТурЦИКа, проходившая 15—16 сентября, предоставила узбекскому, туркменскому, таджикскому, киргизскому и кара-киргизскому народам право выхода из состава Туркестанской АССР и создания своих государственных образований. В обращении сессии ТурЦИКа к рабочим, батракам и трудовым дехканам Средней Азии торжественно провозглашалось: «С этого момента мы хороним окончательно все еще так или иначе сохранившиеся остатки и пережитки запутанных национально-правовых отношений, оставленных в наследство колониальной рабовладельческой политикой царизма» [1].

В октябре того же года сессия ВЦИКа РСФСР, а затем и сессия ЦИКа СССР утвердили решения, представленные Туркестанской, Бухарской и Хорезмской республиками и обязали оформление вновь образующихся республик в Средней Азии осуществить решением съездов Советов этих республик.

При утверждении было внесено лишь одно, но очень существенное изменение: Таджикская область преобразовывалась в Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Узбекской ССР [2].

Учредительные съезды Советов состоялись в начале 1925 г. в обстановке подъема национального самосознания среднеазиатских народов. В это же время проходили партийные конференции и съезды.

Я была делегатом Всеузбекского съезда Советов и съезда Коммунистической партии Узбекистана, созванных в феврале 1925 года в Бухаре. Для участия в работе съездов из Москвы приехал Михаил Иванович Калинин. Из Ташкента в Бухару мы, делегаты съезда, ехали в одном поезде с ним. На каждой станции всесоюзного старосту встречали толпы народа.

---

[1] Стенографический отчет 3-й Чрезвычайной сессии ТурЦИКа, Ташкент 1924, стр. 36.

[2] Узбекская и Туркменская республики в мае 1925 г. вошли в состав СССР на правах союзных республик.

Кара-Киргизская область в феврале 1926 г. преобразована в Киргизскую АССР, а 5 декабря 1936 г. в Киргизскую ССР. К Киргизской АССР в результате национального размежевания были присоединены Сыр-Дарьинская и Семиреченская области, ранее входившие в состав Туркестанской АССР.

В 1925 г. Киргизская АССР переименована в Казахскую АССР, а в 1936 г. преобразована в Казахскую ССР.

Таджикская АССР в декабре 1929 г. преобразована в Таджикскую ССР.

Дни весенние, солнечные. У железнодорожных станций раскинуты большие шатры. Вокруг тысячи людей, прибывших из близлежащих кишлаков, чтобы приветствовать председателя ЦИКа. Мужчины в ярких полосатых халатах. Чувствовалось праздничное настроение.

Всюду, где останавливается поезд, возникают митинги.

«Яшасун» (Да здравствует!) раздается в адрес Советской власти и Коммунистической партии. Образование своего национального Советского государства узбекский народ отмечал, как великое торжество.

В Бухаре к 1925 году закончилось строительство первого театра европейского типа, в здании которого и протекала работа съезда Советов, а также и партийного съезда. Ежедневно к этому зданию направлялись все новые делегации с приветствиями. В прениях по докладам и с приветствиями как на съезде Советов, так и на партийном съезде выступали не только мужчины, но и женщины.

Партийный съезд приветствовали узбечки: Рашидова — от женщин Ташкентской области, Бетмухамедова — от женщин Хорезма, Рахатова — от женщин Бухары, Алиева — от пионеров и женщин. Из Ферганской области приветствовать съезд приехали пять узбечек. Они преподнесли съезду знамя, и одна из них — Руза Бакиева — выступила. «Мы, работницы Ферганы,— говорила она,— встаем на путь ленинизма, мы готовы следовать за Коммунистической партией и под ее руководством поведем дальнейшую работу среди узбекских женщин. В знак искренности этого обещания и закрепления нашего союза с вами мы открываем наше лицо и сбрасываем эту чадру, которая является символом рабства». Речь Бакиевой несколько раз прерывалась аплодисментами, а когда все пять женщин, стоявшие у трибуны, сбросили свои паранджи, их приветствовали громкими криками «Ура!»

В прениях по докладу Калинина выступала Тамара Гаибджанова.

По вопросам работы среди женщин на первом съезде Узбекистана была создана специальная секция. Мне было поручено руководство этой секцией. О результатах ее работы я докладывала съезду. На съезде было принято специальное решение о работе среди женщин и,

кроме того, в общую резолюцию «Об очередных задачах партии в Узбекистане» был включен ряд пунктов, определявших задачи партийных организаций в борьбе за раскрепощение узбекской женщины.

Первая заведующая женотделом ЦК Компартии Узбекистана Зинаида Прищепчик была избрана членом ЦК, ее заместительница — Тамара Гаибджанова — кандидатом в члены ЦК.

Выступление М. И. Калинина в Ташкенте во время его приезда на 1-й Всеузбекский съезд Советов и 1-й съезд Компартии Узбекистана, 1925 г.

За время пребывания в Средней Азии М. И. Калинин не раз выступал по вопросам раскрепощения женщин. «Культурность,— говорил М. И. Калинин в своем докладе на партийном съезде,— надо поднимать, в особенности, среди женщин, ибо женщины гораздо больше влияют на детей, чем мужчины... Поэтому вполне естественно, необходимо вместе с мужской молодежью выдвинуть вопрос о безусловном увеличении работы среди женщин. Это я считаю одной из основных работ Узбекского Центрального Комитета компартии... Я был у вас в женском клубе в Ташкенте. В этом клубе дают врачебную консультацию. Матери узбечки с ребятами приходят к врачу, советующему, как надо воспитывать

ребенка. Я думал — это интеллигентская затея, которая ничего не дает. А когда пришел в клуб, там до десяти закрытых узбечек (там они были открыты) принесли своих ребят и врач объясняет, как надо воспитывать ребят, как их кормить и т. д. Эта маленькая работа, которой, привыкшие делать большую политику, не придают значения. А по-моему — эта работа колоссальная. Это и есть настоящее поднятие культуры... Центральный Комитет Компартии Узбекистана должен беречь, развивать такие отдельные удачные опыты, которые производятся женотделом, и, разумеется, всем авторитетом Центрального Комитета помогать этой работе» [1].

Крайне интересна беседа Михаила Ивановича с дехканами кишлака Багаутдин, происходившая в дни съезда 8 февраля. В ней затрагивались самые различные вопросы — о борьбе с остатками басмаческих шаек, об урожае хлопка, о налогах, об участии крестьян в выборах и в работе Советов и многие другие, вплоть до международного положения СССР. М. И. Калинин обратил внимание и на то, что на сходке нет женщин.

«Вот приехал глава государства,— говорил он,— а вы пришли одни, без женщин. Разве в государстве женщины меньше нужны, чем в хозяйстве вашем? Я считаю, что всей правды не узнаю, если женщин не будет».

Тогда один из пожилых крестьян сказал: «У нас по закону нельзя женщине быть в обществе мужчин и говорить здесь. Мы не можем терпеть этого. Она все свои нужды должна говорить только мужу, больше никому».

— Это неправильно, заявил Михаил Иванович.— У нас в республике женщины пользуются такой же свободой, как и мужчины. И он рассказал о правах, предоставленных Советской властью женщине.

— Я надеюсь,— сказал он в конце беседы,— что вы будете настолько честны, что доведете об этом до сведения своих жен.

— Я расскажу жене обо всем, что вы говорили,— заявил молодой крестьянин.

— Нет, нельзя ей говорить,— сурово произнес старик.

---

[1] Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Узбекистана. Стенографический отчет, Ташкент 1925, стр. 28.

— Никогда наша власть не будет крепкой, если женщина останется в стороне от политической и хозяйственной жизни,— сказал Михаил Иванович...

Работе среди женщин большое внимание было уделено также на партийном съезде Туркменистана, на таджикской и кара-киргизской партийных конференциях.

Первой заведующей женотделом ЦК Компартии Туркменистана была Евстолия Росс, ее заместительницей — Эне Кулиева.

Национальное размежевание ярко обнажило наши недочеты. Мы сами, например, были немало озадачены, когда увидели, что почти нет школ для девочек и не создано ни одного женского клуба в Таджикистане. Только одна учительница из женщин коренного населения оказалась в Кара-Киргизии.

В связи с образованием национальных республик создались новые условия в работе, потребовавшие дифференцированного подхода и более конкретного и оперативного руководства.

Каждая республика получила возможность пересмотреть и применительно к своим условиям и бытовым особенностям издать свои законы, раскрепощающие женщину.

С момента национального размежевания народы Средней Азии вступили на путь быстрого хозяйственного и культурного развития. Уже к концу первого года обозначились достижения во всех областях хозяйственного и культурного строительства.

Во всех областях и республиках укреплялось хозяйство, появились новые школы, больницы, клубы, научные учреждения, а самое главное — вырастали новые кадры работников — мужчин и женщин — из коренного населения.

ОБЩЕПАРТИЙНОЕ ДЕЛО

В ноябре 1923 года в Туркестане широко отмечалось 5-летие работы партии среди женщин (пять лет со дня первого Всероссийского съезда работниц и крестьянок). В ряде номеров газеты «Туркестанская правда» появились статьи и многочисленные приветствия женщинам и женотделам от Туркестанского ЦИКа, от ЦК КПТ,

Среднеазиатского бюро ЦК комсомола, ЦК комсомола Туркестана, ЦК союза «Кошчи», Туркестанского бюро ВЦСПС. В лучших зданиях старого и нового Ташкента состоялись торжественные заседания с участием партийных и советских руководителей.

Все это говорило о том, что работа по раскрепощению женщин Востока становилась общепартийным делом, что партия сумела привлечь к этой работе все общественные организации.

Как общенародный праздник, в 1924 году отмечался Международный женский день. Он проводился под лозунгом «Выполним заветы Ленина». В волостях, уездах и в областных центрах были созваны женские конференции, избравшие делегаток на II Всетуркестанский съезд дехканок, который открылся 9 марта.

Доклад о подготовке к 8 марта был поставлен на общегородском собрании ташкентской партийной организации.

Все клубы и театральные помещения были предоставлены под собрания и концерты, посвященные женскому дню.

Восьмого марта здания нового и старого города украсились красными флагами. Из нового в старый город организованно, в колоннах, со знаменами, двинулись работницы для участия в общегородском митинге. По дороге к ним присоединились группы узбечек, киргизок, туркменок, приехавшие на II съезд дехканок. Это была волнующая демонстрация дружбы женщин разных народов.

Самая большая площадь старого города не могла вместить всех желающих принять участие в митинге. Многие разместились на плоских крышах домов. Там же оказался и оркестр узбекских духовых инструментов с его огромными трубами.

8 марта — в Ташкенте уже теплый весенний день. Женщины шли на митинг в летних платьях. И тем мрачнее в праздничной многокрасочной толпе выглядели паранджи и черные сетки. Да, многие еще закрыты. Но уже сам этот интернациональный митинг — невиданное в жизни старого города событие. Весть об этом митинге распространилась далеко за пределами Ташкента. О нем много говорили между собой не только женщины, но и мужчины.

Вопрос о работе среди женщин все чаще ставился на партийных и комсомольских собраниях, на съездах союза «Кошчи» и профсоюзов. Большое внимание ему уделил VIII Всетуркестанский партийный съезд. В тезисах ЦК к съезду говорилось:

«Для скорейшего изживания бытовых предрассудков, как одного из препятствий на пути культурного и экономического развития Туркестана, партия выдвигает задачу широкой воспитательной работы по борьбе с бытовыми предрассудками, в первую очередь в партийной и комсомольской среде. Работу в этой области необходимо вести путем расширения и углубления воспитательно-пропагандистской работы. Необходимо включить соответствующие вопросы в программу партшкол, партклубов и уделять им должное внимание в печати — с одной стороны, и безусловное выполнение членами партии декретов ТурЦИКа об отмене калыма, повышении брачного возраста, содействии вовлечению женщины в общественную жизнь — с другой».

В докладе на съезде, проходившем в мае 1924 года, секретарь ЦК КПТ говорил, что женский вопрос в Туркестане, «несомненно, является коренным вопросом в нашей работе», что раскрепощение женщин — одно из важнейших условий успешного разрешения задач экономического и культурного строительства.

Да это и понятно, ведь более 2 миллионов рабочих рук узбечек были связаны паранджой.

Пропаганда идей женского равноправия, принятые решения и даже торжественные обещания еще не означали выполнения задач раскрепощения женщин. Даже в 1926 году, когда, продолжая воспитательную работу, партия предъявила своим членам требование ликвидировать позорный обычай затворничества и покончить с паранджой, дело это проходило не так просто.

Мне хочется привести сокращенную запись выступлений, сделанную мною на одном из собраний партийного актива старого города Ташкента, где обсуждался вопрос о выполнении этого требования.

Вот выступает участник совещания Якубов. «Тот не коммунист,— говорит он,— кто не революционер, а тот не революционер, кто не борется за раскрепощение женщины. Если раньше мы были осторожны, то сейчас должны открыто ставить вопрос о снятии паранджи.

По-моему, сейчас нужно говорить в первую очередь в отношении жен ответственных работников».

С места. У тебя жена открыта?

Якубов. А у зав. агитпропа открыта?

Следующим выступает Кадыров. «Наши коммунисты,— говорит он,— не только в работе среди женщин, но и в общих вопросах плохо разбираются. Даже старые члены партии не могут отделаться от старых привычек. В каждой махале есть коммунисты, а ишаны против нас организуют стариков. Надо начать работу с махалей. Моя семья открыта».

— Врешь, не открыта,— бросает ему Турсун Ходжаев и продолжает: — Прежде всего нужно ставить вопрос не о паранджe, а о воспитательной работе. Если мы земельную реформу провели, не остановились, мы и эту работу можем провести. Почему женщины у татар открыты? Раньше ведь они тоже были закрыты. Жизнь заставила. Нам нужно тщательно подготовиться и начать не в одном, а сразу в сотнях мест.

— Те, кто переехал в новый город,— говорит Расулов,— у них жены открыты, но, когда приезжают в старый, закрываются. Сначала нужно вести воспитательную работу, а паранджа сама собой отпадет.

Выступает Ходжаев. «Говорили много, а на деле ни один ничего не сделал,— заявляет он.— Коммунисты не против открытия своих жен, но беда в махале. Женотдел своевременно поставил вопрос о паранджe, но нельзя этим ограничиться. Нужна воспитательная работа среди населения. Я пять лет вел агитацию в семье, уговаривал жену сбросить паранджу, но она в новом городе открыта, а идет в старый — закрывается. Она говорит: «Я откроюсь, а соседки? Пусть и они»».

— Паранджа,— говорит Таиров,— темная завеса религии. Если член партии не хочет быть религиозным, он должен открыть жену. Падет паранджа — падет религия. Говорят, что, если снять паранджу, уйдет от мужа. Это неправда. Европейские женщины открыты, а чаще случаи, когда муж бросает жену. У нас есть люди, которые стремятся подорвать авторитет тех женщин, которые снимают паранджу.

Другие ораторы,— а выступало на этом собрании 17 человек,— затрагивали тот же круг вопросов, свидетельствовавших о живучести предрассудков среди самих

коммунистов. За высокими глинобитными дувалами еще сильно было влияние мусульманского духовенства и старых обычаев.

Навстречу мероприятиям партии по раскрепощению женщин шли прежде всего в семьях рабочих и деревенской (кишлачной, аульной) бедноты.

15 узбеков — рабочих ташкентского трамвая добились, что их жены первыми сбросили паранджу и включились в работу клуба. Рабочий-туркмен Баки Карлиев уговорил жену пойти учиться. Он сам привел ее в школу. Радуясь тому, что она скоро научилась читать, он шутя говорил нам: «Жена лучше меня стала читать газету. Как могу я помириться с этим? Придется мне для себя нанять учителя».

Хорошо откликалась на мероприятия партии по раскрепощению женщин и деревенская беднота. В тех Советах, где она получала решающую роль, эта работа принимала все более широкий размах. Но там, где в Советах оказывалось засилье кулаков, там работа среди женщин всячески тормозилась, велась агитация против женских съездов, не проводились советские законы о женщине, преследовались делегатки.

Хорошими помощниками женотделов были студенты-комсомольцы. Разъезжаясь на каникулы, многие из них заходили за литературой и указаниями; в своих родных кишлаках и аулах вели разъяснительную работу среди населения.

Партийные съезды и ЦК национальных коммунистических партий требовали от партийных организаций повседневного и внимательного руководства работой по раскрепощению женщин. На II съезде Компартии Узбекистана это нашло отражение во всех принятых им решениях.

Воспоминания о II съезде, делегатом которого я была, воскрешают передо мной обаятельный образ молодой, энергичной узбечки Таджихан Шадиевой. Она горячо выступала по докладу о земельной реформе, принимала активное участие в секционной работе, была избрана членом Центрального Комитета. В дальнейшем многие годы руководила работой партии среди женщин Узбекистана.

Неразрывно связаны с историей первых лет борьбы за раскрепощение женщин Средней Азии имена Таджи-

хан Шадиевой, Эне Кулиевой, Тамары Гаибджановой, Джахон Абидовой и многих других.

Большую роль сыграли такие коммунистки, как Лидия Отмарштейн, Зинаида Прищепчик, Ольга Попова, Анна Аксентович, Елена Бубок, Евстолия Росс, Надежда Клейман, Ася Николаева и другие. С большим энтузиазмом выполняли они эту работу, порученную им партией. Как старшие сестры, помогали женщинам-восточницам подняться к новой, свободной жизни, искренне радуясь каждому новому шагу на пути их раскрепощения.

В июне 1926 года на секретариате ЦК ВКП(б) был заслушан мой доклад о работе женотдела Среднеазиатского бюро ЦК. В постановлении по этому докладу отмечалось, что «в работе среди женщин в Средней Азии проводилась правильная линия». Предлагалось усилить внутрипартийную воспитательную работу по борьбе с бытовыми пережитками по отношению к женщине; допустить в виде опыта организацию отдельных курсов и школ для коммунисток из коренного населения; организовать годичные курсы по подготовке работников среди женщин; создать профессионально-техническую школу ткачества для женщин коренного населения; улучшить и расширить сеть юридических консультаций при женских клубах и комиссиях по улучшению труда и быта труженицы и усилить работу по выдвижению и подготовке судебных работников из женщин коренного населения.

Секретариат ЦК ВКП(б) предлагал во всей работе среди женщин стремиться в первую очередь охватить работниц и женщин кустарного производства, а также дехканок, получивших земельные наделы; уделить больше внимания организации и улучшению работы делегатских собраний как в городах, так и по кишлакам и аулам и привлечению делегаток к практической работе; добиться отведения большего места вопросам раскрепощения женщин в программах и учебниках для начальных школ коренного населения.

«Ввиду особого значения в борьбе со старым бытом пионерского движения среди девочек коренного населения,— говорилось в постановлении Секретариата,— предусмотреть при разработке бюджета на 1926/1927 год расходы по поддержке пионеротрядов девочек».

Постановление секретариата ЦК партии давало ободряющую всех нас оценку работы, вскрывало наши слабые стороны и развертывало перед парторганизациями Средней Азии и их женотделами программу дальнейшей работы по раскрепощению женщины.

Это постановление помогало нам более решительно ставить вопрос и о борьбе с бытовыми пережитками в партийной среде, о требованиях к коммунистам быть примером в осуществлении советского законодательства о женщине.

Весь ход развития экономики и культуры народов Средней Азии, укрепление советского аппарата, идейно-политический рост партийных кадров содействовали осуществлению этих требований. Конец 1926 и начало 1927 года ознаменовались массовым движением, поднятым партией за новый быт, за снятие паранджи. Оно получило название «худжум» — наступление. Это было наступление на все старое, отжившее, мешавшее социалистическому строительству.

Более 90 тысяч узбечек сбросили паранджу. В день 8 марта ее сбрасывали на митингах и собраниях, сжигали на кострах.

Никакие угрозы со стороны мусульманского духовенства и других защитников старого не могли остановить «худжума».

Паранджи снимали даже на Регистане в Самарканде, хотя накануне 8 марта муллы развили бешеную кампанию, угрожая отлучить от мечети тех, кто позволит своей жене открыться. По Самарканду ползли слухи, что на голову нарушителей шариата обрушатся минареты, окружавшие Регистан. Но, несмотря на все это, 8 марта состоялся многочисленный митинг, на котором женщины выступали с горячими речами и сбрасывали паранджи. Минареты и медресе, воздвигнутые еще Тимуром и Улугбеком более 500 лет назад, стояли на своих местах и не обрушивались на головы тех, кто отбросил законы шариата, веками душившие женщину Востока.

Расстояние, пройденное от первых шагов вовлечения женщин Средней Азии в общественную жизнь страны и до настоящего времени, неизмеримо. Сейчас никого уже не удивляет, когда узбечка, таджичка, туркменка, киргизка занимает руководящий пост в органах государст-

венного управления, в общественных организациях или хозяйственных учреждениях.

Подумать только, что в той самой Бухаре, где в 1923 году узбечка не осмеливалась войти в советское учреждение, сейчас 69 женщин — депутаты городского Совета. В Керменинском районе, Бухарской области, председателем исполкома райсовета депутатов трудящихся работает узбечка Мукаррам Абдуллаева.

Десятки тысяч женщин в республиках Средней Азии избраны депутатами местных Советов, а некоторые из них — председателями Советов.

В составе Верховного Совета СССР десятки женщин из Узбекской, Киргизской, Туркменской и Таджикской союзных республик. Неоднократно избиралась депутатом Верховного Совета СССР таджичка Она Надырбаева — председатель кишлачного (сельского) Совета Ленинабадской области.

Одним из заместителей председателя Совета Национальностей Верховного Совета СССР является киргизка К. Кондучалова — министр иностранных дел Киргизской ССР.

В Верховных Советах среднеазиатских республик одну треть составляют женщины.

Женщины — депутаты Советов работают на самых различных участках советского строительства — в комиссиях Советов, в качестве заведующих отделами, членов коллегий, заместителей министров и даже министрами. Инженер Ядгар Насретдинова работает заместителем председателя Совета Министров Узбекской ССР. Сотни женщин коренного населения республик Средней Азии успешно справляются с руководящей партийной работой. 5 июня 1957 года в «Правде» была напечатана статья о достижениях Узбекистана к 40-летию Октябрьской революции. Ее написала секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана тов. Рахимбабаева. В Туркменистане секретарем ЦК партии работает Дурдыева. Это ли не яркие факты, свидетельствующие о разрешении женского вопроса в Средней Азии!

Все большее место узбечки, таджички, туркменки, киргизки занимают на производстве. Их можно видеть уже не только среди квалифицированных рабочих, но и в числе руководителей предприятий.

Более двух тысяч женщин Узбекистана работает в качестве инженеров и техников, около 50 женщин являются директорами и главными инженерами предприятий.

Таджичка Назакат Шокирова уже 16 лет руководит фабрикой «Красный ткач», директором Сталинабадской швейной фабрики работает таджичка Мархамат Дододжанова.

В Туркменистане среди директоров предприятий, начальников цехов и мастеров 564 женщины.

Сорок процентов к общему числу рабочих составляют женщины в промышленности Киргизской ССР.

Широко известны имена передовиков производства — узбечек-ткачих Садды Пулатовой и Ибодатхон Акрамовой, киргизки Ракии Джакибековой, работающей мотористкой в шахте, туркменки-токаря Оразмухамедовой и многих других.

Разительные перемены произошли в положении женщин-крестьянок.

Свыше 5 тысяч женщин в Киргизии, 3670 — в Туркменистане, тысячи в Узбекистане и Таджикской ССР являются в настоящее время организаторами колхозного производства — работают в качестве звеньевых, бригадиров, заведующих колхозными фермами.

Сотни узбечек, киргизок, таджичек, туркменок среди механизаторов, агрономов, зоотехников. Немало женщин избраны председателями и заместителями председателей колхозов.

Это уже не прежние темные и забитые женщины, а грамотные колхозницы, освоившие современную агротехнику, умело добивающиеся успехов в полеводстве, животноводстве, шелководстве и всех других отраслях сельского хозяйства.

Узбечка-бригадир Шазода Мирзаходжаева первая в колхозе применила квадратно-гнездовой способ посева хлопка и так организовала уход за ним, что добилась урожайности в 45,5 центнера с каждого из 55 гектаров. Ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Как лучшему организатору колхозного производства высокое звание Героя Социалистического Труда присвоено киргизке Олмасхан Атабековой — председателю колхоза имени Фрунзе Базар-Курганского района.

Среди героев труда звеньевая колхоза имени Куйбышева Иссык-Кульской области Мария Джумадылова. Она пришла в колхоз после окончания десятилетки, быстро освоила колхозное производство и своей работой завоевала большой авторитет среди колхозников, избравших ее депутатом в сельский и районный Советы.

За успехи в сельском хозяйстве многие тысячи женщин Средней Азии награждены орденами и медалями Советского Союза, 58 узбечек, 49 туркменок и десятки киргизок и таджичек удостоены звания Героя Социалистического Труда.

«Сейчас неграмотная женщина — такая же редкость, как раньше грамотная»,— заявила секретарь ЦК Коммунистической партии Туркменистана т. Дурдыева в своем докладе 9 января 1957 года.

В Киргизии более 2 тысяч женщин работает в области культуры и искусства, свыше 1500 женщин-врачей. Эти цифры привела в своем выступлении на республиканском съезде женской молодежи, проходившем в декабре 1956 года, тов. Джаманкулова — первый секретарь ЦК комсомола Киргизии.

«В Узбекистане 16 женщин — доктора наук и свыше четырехсот — кандидаты наук»,— пишет в газете «Правда» от 5 июня 1957 г. узбекская писательница Зульфия.

Доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии наук Узбекской ССР Хадича Сулейманова в настоящее время является министром юстиции Узбекистана.

В марте 1958 года мне, как и некоторым другим бывшим работникам женотдела, посчастливилось присутствовать на Всеузбекском женском съезде, на который мы были приглашены Центральным Комитетом Коммунистической партии Узбекистана.

Съезд отличался организованностью, богатством содержания, высоким идейным уровнем выступлений делегаток, духом подлинного советского интернационализма.

Среди 1216 делегаток съезда не было ни одной неграмотной и только 236 были с начальным образованием. 18 делегаток — Герои Социалистического Труда, 545 — награжденных орденами и медалями Советского Союза за самоотверженный труд.

Открывала и вела съезд Я. С. Насретдинова — заместитель председателя Совета Министров Узбекистана.

Доклад «Об участии женщин Узбекистана в осуществлении исторических решений XX съезда КПСС» делала секретарь ЦК Компартии Узбекистана З. Р. Рахимбабаева.

Сам съезд и все, что мы видели в Узбекистане, свидетельствовали о поистине сказочных преобразованиях, происшедших в этой стране за годы Советской власти. Как в самом Ташкенте, так и в колхозах, где мы побывали, мы видели прекрасные здания школ, клубов, жилых домов, а самое главное — мы увидели новых по своему духовному облику людей — как женщин, так и мужчин.

Ничего общего не осталось от прежней, закрытой паранджой, женщины-рабыни. Современная узбечка — это активный, энергичный строитель новой жизни.

Но старое живуче: нет-нет, да где-нибудь оно проглянет. Коммунисты и комсомольцы Узбекистана ведут против него беспощадную борьбу.

За короткий исторический срок пройден огромный путь. Одержаны крупнейшие победы в раскрепощении женщины-восточницы, и сердце наполняется радостью и гордостью за достигнутые успехи.

Вся работа по раскрепощению женщин Средней Азии неразрывно связана с именем В. И. Ленина.

Это имя знала каждая делегатка двадцатых годов и несла его в среду неграмотных, забитых, покрытых паранджой женщин. Приезжая на съезды, женщины кишлаков и аулов стремились приобрести портреты В. И. Ленина и хранили их, как самую дорогую реликвию.

Однажды ко мне явилась узбечка, спасавшаяся от преследования со стороны баев своего кишлака. Паранджа ее носила следы крови, лицо вспухло от багрово-синих кровоподтеков. Ее избили и пригрозили убийством, если она не прекратит свою агитацию среди женщин. Дрожавшими от волнения руками женщина достала далеко спрятанный на груди платочек, развязала туго затянутый узелок и вынула портрет Ленина. «Я рассказывала женщинам о Ленине,— говорила она,— о том, что он знал о тяжелом положении узбечки и издал новые законы: запретил продавать и покупать женщин за

калым, выдавать замуж малолетних, велел открыть школы для всех — для мальчиков и девочек».

Эта женщина побывала на II краевом съезде дехканок, и все, что там слышала о новой жизни, передавала, как рассказ о Ленине. Портрет Ленина в ее руках был неопровержимым свидетельством правоты ее слов, и женщины верили ей, а муллы и баи негодовали.

О Ленине говорили при достижениях и неудачах.

В кишлаке, например, не открывают школы для женщин, делегатки едут в город и говорят:

— Наш Совет не проводит заветов Ленина.

Родители не отпускают девочек в школу, их убеждают:

— Ленин велел учить детей.

Не дают женщинам земли — и земельную комиссию справедливо упрекают в нарушении ленинских заветов.

В отдаленнейшие глухие уголки, расположенные у границ Китая, Афганистана, Ирана, доходили вести о новых законах, и когда женщины спрашивали, кто это так много сделал для них, им отвечали:

«Ленин и Советская власть».

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 3
Поднимались угнетенные из наиболее угнетенных 6
От Москвы до Ашхабада 11
Снова в путь 26
Первые шаги 29
«Закрытые учительницы» 38
Старые и новые законы 45
Основа фактического равноправия 50
Национально-государственное размежевание 61
Общепартийное дело 67

КОММУНИСТКА

№ 7

ИЮЛЬ 1924

ОРГАН ОТДЕЛА ЦКРКП
ПО РАБОТЕ СРЕДИ
РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК

М Б

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ“ • ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ • МОСКВА

ПО ВОСТОКУ.

С. Любимова.

Работа среди женщин в Туркестане.

Два совещания.

5-е и 6-е всетуркестанские совещания завженотделами отделены одно от другого небольшим сроком. В то же время первое и второе (январь и май 24-го года) значительно разнятся между собой характером рассмотренных вопросов.

Первое стояло перед разрешением элементарнейших вопросов работы, к которым подошли новые составы отделов работниц в Туркестане.

Это были прежде всего: 1) вопросы аппарата (укрепление, укомплектование национальными работниками), 2) изживание оторванности от общепартийной работы и привлечение внимания всей партии в целом к вопросам работы среди женщин, 3) будирование широких беспартийных женских масс города и кишлака.

5-е совещание отмечало уже некоторые достижения в работе последних месяцев, в частности 1) успешно проведенную кампанию 5-летия съезда работниц и крестьянок (прошла общепартийной кампанией), 2) вполне удовлетворительные результаты кампании перевыборов Советов, давшей 287 женщин—членов Советов по краю (из них 39 туркменок, 49 узбечек, 68 киргизок), 3) достижение в работе в правовой области (проведение через Турцик декретов об отмене калыма, о борьбе с выдачей замуж малолетних, установление института практиканток из женщин коренного населения в органах Наркомвнудела и Наркомюста на местах).

В директивах 5-го совещания были намечены следующие основные категории: 1) жены рабочих, работницы, кустарки в городах, беднота, батрачки; которые должны в аулах являться базой работы. 2) должна быть взята твердая линия на вовлечение в сферу влияния партии прежде всего женской части молодежи; 3) к работе в кишлаках и аулах подойти вплотную, выделив по Туркестану 30 ударных пунктов (один на уезд); 4) обратить особое внимание на вовлечение в аппарат женщин коренного населения, выделяя последних в первую очередь в качестве вторых работников в уездах, практиканток, волорганизаторов; 5) настойчиво ставить вопросы подготовки работников и т. д.

На-ряду с этим и рядом других моментов работы основное место занял вопрос о работе среди мужчин в плоскости проведения борьбы с бытовыми предрассудками, в первую очередь в партийной и комсомольской среде.

Совещанием же этот вопрос был выдвинут в основных лозунгах к кампании 8-го марта.

5-е совещание в момент развертывающейся работы в Туркестане подсчитало силы, всесторонне учло условия работы, наметило основные задачи, указало пути к их выполнению.

И когда мы сравниваем недавнее январское совещание с 6-м, мы с удовлетворением можем отметить, с одной стороны, некоторые достижения в работе, с другой—достижения в самом методе работы 6-го совещания.

На 6-м не было поставлено ни одного общего, отвлеченного вопроса.

Каждый доклад строился на учете опыта прошедшего периода, намечал конкретные указания на ближайшие месяцы работы.

Основное, отмеченное 6-м совещанием по докладу ЦО, было: работа в Туркестане прошла первый этап, она вступает во второй, наиболее трудный, ответственный для каждого работника период.

Пройденный этап характеризуется прежде всего достижениями в области организационного оформления работы и аппарата.

С 50-ти число работников по Туркестану возросло до 103 (за счет вторых работников в уездах 1-й группы, практиканток, 30 волорганизаторов). С 6 проц. прежней цифры число работников коренного населения выросло до 30 (33 узбечки, киргизки, туркменки). Выросло до 15 число работников, хорошо владеющих местным языком. Таким образом, на 49,8 проц. по знакомству работников с местным языком аппарат приближен к массам.

Совещание в прошедшем периоде работы отметило также достижения в области изживания оторванности работы от общепартийной. Несомненно, в настоящее время вопросы работы среди женщин являются в Туркестане общепартийными вопросами.

Это особенно выявили прошедшие перед XIII партсъездом партконференции на местах.

«По всем вопросам порядка дня,—рассказывают товарищи из Ферганы,—выступали местные работники с предложениями по работе среди женщин. Особенно оживленные прения вокруг вопросов работы среди женщин велись по докладу обкома и партстроительству».

В Туркмении по инициативе делегаток кишлаков и аулов конференция постановила заслушать доклад женотдела. В Туркмении же была создана особая секция по вопросам борьбы с бытовыми предрассудками среди членов партии.

Краевая всетуркестанская конференция, помимо пунктов в общих тезисах, приняла тезисы по борьбе с бытовыми предрассудками в одной из секций.

Всеми конференциями работа среди женщин отмечалась, как одна из важнейших, очередных партийных задач. За редким исключением, все уездные завженотделами, зав. ЦО, а также все областные (кроме Аму-Дарьи) проведены в члены партийных комитетов.

И третий момент, отмеченный 6-м совещанием в основных достижениях,—это успешно проведенная кампания по будированию широких беспартийных женских масс.

Сотни женщин коренного населения прошли через 15 уездных съездов краевой и десятки волостных конференций.

Кампания 8-го марта захватила также и кишлаки и аулы.

Среди масс женской части населения к 6-му совещанию мы имели определенное настроение активности, пробужденный интерес к работе по раскрепощению их, тягу в женотделы.

Узбечки, киргизки, туркменки, побывавшие на съездах, сохраняют связь с женотделами, приезжают часто за сотни верст за заданиями в работе их на местах, получают «Янчи-Юл» («Новый труд»), орган женотдела ЦО, проводят определенную работу.

Это три основных момента—аппарат, внедрение в общепарт. работу, пробуждение активности и интереса в широких массах, не считая отдельных частностей работы, как оборудование и открытие краевого показательного женского клуба, создание фонда на работу, периодический выпуск газеты и пр.

Совещание резко подчеркнуло необходимость перехода к углубленной работе с вовлеченными в клубы, школы, советы, сохранению связи с прошедшими через съезды, реализацию результатов прошедших агитационных кампаний, организционного закрепления настроения симпатий к партии и пробужденной активности.

Нужно было создать в работниках—участниках совещания психологический перелом в сторону понимания задач нового этапа работы, необходимого отхода во многих случаях от методов работы первого периода.

Нужно было создать чувство особой ответственности в момент перехода к наиболее трудной части работы.

И заслуга 6-го совещания в том, что оно это сумело сделать.

В ряде вопросов практической работы (подготовка работников, проведение декретов о калыме, работа на лето, опыт работы в кишлаках и аулах) совещание дало местам совершенно конкретные указания.

Так, подготовка 200 кандидатур туземок (по полученной от Главпрофобра разверстке) к осеннему поступлению в краевые учебные заведения, проведение за июнь—июль курсов волорганизаторов на 50 человек, использование учащихся в летние каникулы и др. вопросы в совершенно конкретной постановке заняли место в докладе по подготовке работников.

Разбор приуроченных к совещанию циркуляров Наркомюста, Наркомвнудела, ЦК КСТ, Союза «Кошчи», КСМТ составил содержание вопроса о практическом проведении декретов о калыме и повышении брачного возраста.

Учет опыта работы в кишлаке (по докладам мест) вылился в ряд указаний о систематизации работы в ударных пунктах, связи с ячейкой, использовании культурных партийных сил, снабжении кишлака газетой «Янчи Юл», о работе среди членов партии и КСМ по борьбе с бытовыми предрассудками, о постановке юридической помощи декханке (крестьянке), вовлечение батрачек в союз «Кошчи», помощь инвентарем и семенами через союз «Кошчи» маломощным хозяйствам декханок.

В плане работы на лето совещание, отмечая неизбежное затишье в работе, указало на необходимость умелого свертывания работы (не разваливая), перенесения центра тяжести на обработку выявленного актива, работу внутри-партийного характера (пересмотр сверху донизу работников, проведение тщательного учета работы, изучение бытовых условий, издательскую работу, подготовку работников и проч.).

Помимо указанных основных вопросов, совещание, по желанию работников с мест, провело заседание по вопросу о кооперации с представителями Всекобанка, Внешторга и Центросоюза, а также заслушало доклад Наркомпроса о постановке женского образования в Туркестане. По первому вопросу выдвинут минимум работ на летние месяцы—одна артель на уезд.

По второму принят ряд решений: об агитации за совместное обучение, о забронировании 10 проц. всего числа школ за девочками в районах сохраняющегося затворничества женщин, о работе среди учительниц, борьба с старо-методными школами, о постановке воспитательной работы в интернатах для девочек и проч.

Безусловно в работе среди женщин в Туркестане 6-е совещание, прошедшее на рубеже двух различных этапов работы, оставит свой след.

Задачи, поставленные им перед женотделами, чрезвычайно велики и ответственны. Наши силы, с точки зрения их подготовленности к выполнению намеченного, далеко не достаточны.

Залогом успеха—поддержка всей партии.

О. Соколова.

Работа среди работниц и крестьянок в Дальне-Восточной области.

(По информационным материалам).

Областное совещание работников.

После 2-летнего перерыва в мае 1924 года в г. Чите состоялось 2-е с момента освобождения области от интервенции и перехода от буферного положения к советизации Областное совещание работников среди женщин Дальнего Востока. Совещание собралось перед Областной партконференцией; на которой широко был поставлен вопрос об очередных задачах парторганизации ДВО в работе среди женских трудящихся масс.

На совещании участвовало 27 работников среди

КОММУНИСТКА

№ 12

ДЕКАБРЬ 1924

Г. ЗИНОВЬЕВ

ОРГАН ОТДЕЛА ЦКРКП
ПО РАБОТЕ СРЕДИ РАБОТНИЦ И КРЕСТЬЯНОК

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИКАХ И ОБЛАСТЯХ.

С. Любимова.

На пути к раскрепощению.

(К 5-летию работы Женотделов в Средней Азии).

Наши условия. Условия работы партии среди женщин Средней Азии не имеют себе равных ни в одной из союзных областей и республик.

Огромная территория в 1.731.000 квадратных верст, могущая вместить 4 западно-европейских государства, создавало трудности в деле связи боевого руководящего штаба с местами, мест с своей аульно-кишлачной периферией. Пестрота национального состава населения требовала большой индивидуализации методов подхода в работе.

Из населения Туркестана наибольшее число составляют узбеки (41,4%, более 2 миллионов человек), за ними идут киргизы-казаки — 19,4%, кара-киргизы—10,7%, туркмены—4,7%, кара-калпаки—1,4%, курама—1,1%, таджики—7,7%, киптяки, таранчинцы, русские и другие народности.

26% общего числа населения составляют кочевники, являясь в некоторых областях, как Джетысуй, преобладающим элементом.

Но, помимо всех трудностей в общей работе партии, работа партии среди женщин наталкивается еще на своеобразие бытовых условий.

Женщина народностей Туркестана до сих пор еще остается рабой в своей семье. Противоречие вопиющее: с одной стороны, она может стать членом Турцика, с другой—ее до сих пор может в любую минуту избить муж до полусмерти, выгнать из дома по одному подозрению в измене, запретить уйти из дома на заседание Совета и т. д.

У узбеков до сих пор сохраняются чудовищные законы затворничества для женщин. Узбечка ходит под густой чадрой, плетеной из конского волоса, в халате (парандже), закрывающем ее фигуру с головы до ног.

Узбечка не может показать лица незнакомому мужчине. Она не всегда может выйти из дома без разрешения мужа. Она живет в особой женской половине дома, окна которой совсем не выходят на улицу. Узбечка даже дома не имеет права быть в обществе посторонних мужчин с открытым лицом.

Основное, что определяет положение женщины оседлого туркестанского населения, изложено в особом сборнике религиозных установлений (шариат).

Вот некоторые пункты русского перевода шариата (издан. СПБ 1910 г. «Правовой быт туземного населения»):

«Совершеннолетними почитаются юноши, достигшие 12-летнего и девушки 9-летняго возраста».

§ 16. «Мужчина в праве иметь одновременно не более 4 жен».

§ 37. «Непокорную жену муж в праве лишить свободы (лишение свободы понимается в смысле запрещения выйти из дома) и после увещевания подвергать легким телесным наказаниям» и т. д.

Узаконивается выдача замуж малолетних, которая, несмотря на преследования советских судебных органов, до сих пор имеет широкое распространение.

Шариат узаконивает институт многоженства, который продолжает существовать и до сих пор.

По шариату женщина не имет даже целого голоса на суде, и чтобы иметь показания одного свидетеля, нужны две женщины.

Среди кочевников, киргиз и туркмен распространено так-называемое «обычное право» (адат). Обычное право так начинает определение брака: § 1. «Брак есть договор, заключаемый с целью приобретения женщины для брачного с ней сожительства».

Отсюда все.

Женщину продают и покупают за калым, ее как вещь передают от одного к другому, с ней ни в какой мере не считаются.

Туркменка обязана быть молчаливой в обществе мужчин и носить своеобразную чадру, закрывающую ея рот. Киргизка ничем не закрывает своего лица, но она не имеет даже права сесть за один стол с мужчиной.

Если в юрте находятся гости, киргизка сидит у входа и ждет, когда ей от съеденного за обедом барана бросят поглодать кость.

Про них обеих обычное право говорит: § 17 «Если брат покойного уступит право женитьбы на его вдове своему родственнику (но не брату), то может требовать вознаграждения в свою пользу».

По адату женщина со всем имуществом умершего мужа, его вещами, верблюдами переходит в наследство к ближайшему родственнику.

Дальше:

§ 20. «Муж в праве во всякое время дать жене развод».

§ 21. «Развод по желанию жены разрешается собранием родственников».

Но даже и при разводе,—§ 25 говорит, что «после развода у отца или у его родственников остаются все дети, кроме грудных, которые до окончания периода кормления остаются при матери».

В примечаниях «к материалу по изучению обычного права, произведенному по высочайшему повелению сената гофм. графа Паленом», есть даже такие указания, что, по мнению знатоков киргизского быта, в вопросе развода желания жены совершенно не принимается во внимание. Хотя бы муж жестоко обращался с женой и даже истязал ее, она не в праве требовать развода. По иску родителей и родственников жены, муж может быть присужден за это к штрафу, но жену все же может не отпустить... «Даже в случае доказанного истезания или членовредительства, если муж требует себе жену, а родственники, у которых она скрывалась, ее защищают и не отдают—муж получает с них упомянутый штраф, за вычетом лишь аиба за причинение жене расстройство здоровья».

В области правовой были выдвинуты два ударных момента в работе—борьба с калымом и выдачей замуж малолетних.

Борьба с многоженством не декретирована, имеется лишь местное распоряжение Наркомвнудела о строгой регистрации брачущихся.

Можно с уверенностью сказать, что не было ни одного более или менее значительного собрания, совещания, конференции, где бы вопрос о борьбе с калымом и выдачей замуж малолетних не ставился. Так, он обсуждался на съездах комсомола, партии, советов, «Кошчи», учителей и на женских конференциях, которых за один 24 год прошло до 30.

В Самарканде при совещании секретарей была создана специальная комиссия по калыму. Такие комиссии по учету опыта и детализации законодательства созданы в Мерве Полторацкие и при Исполбюро Цека в Женотделе.

Сессией Турцика в июле 24 года указано, что проведение декрета о калыме и брачном возрасте должно в предстоящем году явиться важнейшей задачей судебных органов.

Аппарат, связывающий Женотдел с органами юстиции при проведении правовой работы до настоящего времени слаб. Мы имеем пока следующие цифры: 2 правозаступницы в Алма-Ата, 1 член коллегии Обсуда в Сыр-Дарье, 4 нарзаседательницы в Пишпеке, 16 киргизских заседательниц в Казалинске, 16 в Нарыне, 4 в старом городе Ташкенте, большое число (не выясненное к сожалению) в Ферганской области. Так или иначе во всех без исключения городах и ряде крупных кишлачно-аульных пунктах (главным образом ударных) работницы коренного населения в судах имеются.

В 1924 году через Наркомвнудел проведено постановление о введении по краю платных практиканток при ЗАГС'ах (36 человек), и по Наркомюсту практиканток при нарсудах—6 человек.

Вовлечение в советское строительство.

За 23—24 год было 287 женщин—членов советов, из них до 40 состояло членами в исполнительных органах, 1 туркменка была председателем аульного совета. Через комиссию Совнаркома по мусульманизации учреждений проведен циркуляр о вовлечении женщин коренного населения в совучреждения в качестве практиканток. На 1 октября по наркоматам работало 52 практиканткн, из которых 10 узбечек, 5 киргизок и 37 татарок.

На курсах советских работников при Совнаркоме обучается 5 узбечек.

На курсах Наркомфина—3 узбечки.

В нынешнюю кампанию по перевыборам советов циркуляром ЦК КПТ предложено включить не менее 15% кандидатур женщин из коренного населения в советы и исполкомы.

В партии.

Имеются некоторые достижения в области вовлечения женщин в партию.

Вот данные:

В 1917 году—10 человек.

После переписи в 1922 г.—587 человек.

На I/I—24 года—590 человек.

К седьмой годовщине 766 человек.

Цифру 766 следует признать солидной, если иметь в виду сравнительно незначительное число работниц, занятых в производстве Туркестана. Если к этому прибавить еще, что среди них 10,4% женщин коренного населения, то станет очевидной та серьезная работа, которая проведена за последнее время среди туземок.

Делегатки

К осени 24 года их насчитывалось 1.325 человек, (без Фергана и Аму-Дарьи), среди них 743 делегатки коренного населения. Из Сыр-Дарьинской области сообщают, что 90% делегатского собрания втянуто в практическую работу, из них 30% работает в секциях горсовета. В Фергане 23 делегатки работают по нарсудам, 20 делегаток втянуто в клубную работу в Катта-Кургане, 15 и 30 человек—в секциях (матмлада и политграмоты) и т. д.

Годовым планом Цека намечено к выборам по краю 2.000 делегаток коренного населения. Предварительные сведения о кампании перевыборов делегаток дают возможность думать, что план будет выполнен.

Работа в профсоюзах.

В профсоюзах Туркестана на 1 июля насчитывалось 14.641 женщина. По союзам: рабземлес—709, горнорабочих—178, деревообделочников—8, кожевников—18, металлистов—180, печатников—117, пищевиков—268, строителей—67, текстильщиков—262, химиков—44, швейников—566, водников—18, железнодорожников—1.370, местного транспорта—158, нарсвязь—425, рабис—282, медикосантруд—3.088, работпрос—3.185, совработников—2.484, комхоз—187, нарпит—597.

Все это составляет к общему числу членов профсоюзов по Туркестану до 13%.

Женщины коренного населения не составляют ни одного процента.

Всего на 1 июля их насчитывалось 298, из которых 2 пало на нарпит, 17 совработников, 112 работпрос, 52 медикосантруд, 3 рабис, 1 нарсвязь, 1 швейников, 34 текстильщиков, по 1 в союз пищевиков и союз печатников, 74 рабземлес. Вовлеченных работниц в органы профсоюзов на 1 июля насчитывалось 225, в фабкомах, месткомах, из них 11 на постоянной платной работе, 195 в комиссиях при фабкомах, из них 75 в расценочно-конфликтных, 15 по охране труда, 85 в культкомиссиях, 7 по областным объединениям и в качестве уездных уполномоченных, из них 13 платных освобожденных от работы, 2 члена правления и 1 в президиуме Туркбюро ВЦСПС.

Таким образом, всего в профорганы вовлечено по краю 520 человек.

Как в аппарате Туркбюро ВЦСПС, так и во всех союзах имеются организаторы, регулярно собирающиеся при Женотдел[illegible]. В Сыр-Дарье открыты шестимесячные вечерние курсы союзных организаторов. Большую работу в 24 году профсоюзы провели в кампании перевыборов делегаток (отчеты делегаток и выборы ставились на общих профессиональных собраниях).

В производстве.

На шелко-мотальной фабрике в Маргелане 11 узбечек, 2 микроскописки, 8 узбечек—учениц.

На открываемую фабрику в этом году принято 75 узбечек..

На временную работу в гренажном производстве в Маргелане привлекалось 300 узбечек за лето, 75 в Коканде, 34 в Самарканде и 200 в Намангане.

В предстоящий год партия ставит себе цель—удвоение числа занятых в производстве.

Артели.

По последним отчетам имеются: артели при бирже труда в Андижане на—80 человек, из европеек, и 73 из узбечек.

В Самарканде 2 артели по шелководству в которых работает 60 европеек и 70 узбечек. В Пишпеке работает артель по мойке шерсти, в Коканде—60 человек европеек по починке мешков, такая же—в Ташкенте на 50 человек, в Чимкенте, Ташкенте, Коканде имеются небольшие артели прачек в 5—7 человек.

Как правило, артели организуются, главным образом, в помощь безработным. Объединить женщин коренного населения кустарниц в промартели не удается, потому, что эти артели не выдерживают рыночной конкуренции. Так провалились артели прядильщиц, не имеет особого успеха до сих пор существующая артель туркменок—ковровщиц в Мерве.

Изделия местного производства (тюбетейки, ковры, паласы) могли бы быть предметом вывоза, но несмотря на созываемое совещание из представителей Внешторга, Всекобанка и проч. заинтересованных организаций средств на их поддержку не найдено.

Кооперация.

Особое внимание обращено на сельхоз. кооперацию, как на наиболее мощную и жизненную в Туркестане. ЦК предложено правлению с.-х. кооперации в ударном порядке провести работу по вовлечению в с.-х. товарищества дехканов, самостоятельно ведущих хозяйств и также обратить внимание на развитие тех видов кооперации, где больше занята дехканка (садоводство, молочное хозяйство и прочее).

В правлении с.-х. кооперации работает представитель женотдела. В промысловой и потребительской кооперации, в связи с общим оживлением кооперативной работы обращается больше внимания на вовлечение женщин.

С августа, в аппарате конторы центросоюза работает специальный инструктор по вовлечению женщин в кооперацию.

По обследованным 70 кооперативам с 25,838 членами имеется всего 6% женщин.

В руководящих органах—4%. В районе Маргелана имеется узбечка председатель ревизионной комиссии. О вступлении 20 узбечек в кооперацию сообщает Ката-Курганский женотдел, 80 новых членов в Пишпеке, 81 узбечка в Самарканде и других.

Союз «Кошчи». В настоящее время в союзе имеется 2,668 дехканок, из них 200 человек в ударных пунктах Аулие-Ата, 200 в Нарыме, 250 в Коканде, 600 в Маргелане, 280 в Намангане, 45 ОШ, 304 в Джетысуйе, 63 Аму-Дарья, 109 Туркмении, 387 в Ташуезде.

ЛКСМ и пионеры.

ЛКСМТ насчитывает до 1.700 членов девушек. Сведения женотдела говорят о ячейке узбечек в Ташкенте, Самарканде, Коканде (со 160 членами), 50 комсомолок-киргизок дает Ташуезд.

В аппарате ЦК ЛКСМТ выделен специальный инструктор по работе среди девушек. Такой же инструктор предусматривается (по новым штатам) по всем Обкомам. Девочек узбечек в пионерских отрядах 200 человек, из них 110 в общих отрядах и 90 в 2 специальных при женских клубах.

Общественные организации.

Наиболее тесная связь имеется с обществом «помощи детям», организованного весной этого года. К сентябрю оно насчитывало 26.950 членов. Главная задача общества—борьба с беспризорностью (насчитывается 2.500 беспризорных детей), и помощь существующим интернатам (их 134 по краю, с 8.690 детьми).

Культпросветительная работа.

К сентябрю работало 26 школ по л/б для женщин коренного населения.

В 1923—24 г. девочек коренного населения обучалось 1.786)из них 1.344 узбечек, 248 киргизок, 78 туркменок, 72 таджички и 50 таранчинок).

На 1924—25 год намечено 40 школ для девочек, что включит до 2.000 учащихся в узбекских районах. В Полторацке открыта школа с интернатом для туркменок на 25 человек. По краю работает в настоящее время 11 клубов, из них 7 уездных небольшого размера, и 4 образцово оборудованы; показательно-кишлачный клуб открылся 7 ноября. Клубы посещаются узбечками (от 300—400 человек).

Разверстка.

В краевых учебных заведениях (акушерские курсы, рабфак, инпросы и проч.), в 1923—24 г. обучалось 340 женщин и девушек коренного населения.

В 1924—25 г. замечается огромный наплыв желающих учиться.

Через ЦО прошло и принято в учебные заведения в этом году всего 281 чел., из них 118 узбечек, 49 киргизок, 15 туркменок, 32 нацмен. (татарки, уйгурки, таранчинки и проч.) и 9 европеек.

30 человек, приехавших с мест порвавших с семьей, оставлены ЦК, и для них организуется техническая школа.

Издается газета «Янчи-Юл» на узбекском языке с тиражом в 1.500 экземпляров.

Работа в кишлаках и аулах.

Работа велась в 30 ударных пунктах, специально оплачиваемыми организаторами.

До сих пор тщательно учесть опыт работы в кишлаках и аулах не удалось.

Можно сказать, что в ударных пунктах проведена большая агитационная работа за год, которая начала закрепляться рядом практических культурных мероприятий. Теперь мы переходим к стройной системе в работе.

Подготовка работников.

Проведены двухмесячные курсы волорганизаторов на 55 человек (24 узбечки, 22 киргизки, 9 туркменок).

33 из окончивших возвращены на места на работу, остальные направлены в другие учебные заведения.

В 1923—24 году был опыт проведения восьми кружков в учебных заведениях.

В 1924—25 г. уже утверждена программа работы с кружками, во всех учебных заведениях выделены организаторы кружков, для руководства прикреплены через парткомы ответработники.

Годовым планом выставлена национализация аппарата на 25%.

Аппарат.

По национальному составу в аппарате в настоящее время до 35% работниц коренного населения. В Ферганской области, из числа 17 работников только 3 русских (1 знает местный язык, 2 башкирки, знающие язык и остальные из коренного населения—узбечки и киргизки).

Даже Бухара.

Работа среди женщин в Туркестане оказала свое влияние и на соседние республики—Бухару и Хорезм, где условия закрепощения женщины особенно тяжелы, где влияние мусульманского духовенства безгранично. Начинается работа там, где работников женотдела, случалось, арестовывали на улице за разговор с мужчиной, где европейки, работающие в отделе подвергались опасности—быть отравленными или убитыми, где приходилось самим одевать чадру, чтобы проникнуть в мусульманскую семью.

В нынешнем году, 8 марта в Бухаре было ознаменовано тысячным собранием женщин, открытием женского клуба, вступлением 12 узбечек в партию. Одна из узбечек в настоящее время является членом Бухцика, одна из узбечек комсомолок избрана в делегацию на Всесоюзный съезд молодежи.

Хоть и маленькие сдвиги в работе таких республик, как Хорезм и Бухара ярче всего свидетельствуют о достижениях коммунистической партии в работе среди женщин.

Из прежней рабыни вырастает борец за окончательное освобождение женщин Востока.

Троицкий.

Как работает женотдел в Дербенте ДССР.

Работа Женотдела сравнительно хорошо поставлена в городе.

Работоспособно делегатское собрание (обнимающее 51 чел.). 50% делегатского собрания, составляют работницы железнодорожного транспорта, остальная часть—жены рабочих и домохозяйки города.

На делегатских собраниях проводятся еженедельные занятия по программе ЦО работниц. Делегатки очень интересуются работой. Почти все делегатки участвуют в работах Секции и всевозможных Комиссиях Исполкома и профессиональных союзов.

На транспорте, среди работниц, работа проводится в полной согласованности с ком'ячейкой и по ее плану. По инициативе и при помощи отдела работниц на транспорте организованы столовая и кружок кройки и шитья.

Кружок кройки и шитья имеет до 25 учениц-девушек и обслуживает, главным образом, рабочих.

В мусульманской части города имеется школа кройки и шитья, также организованная Женотделом, объединяющая до 20 горянок.

Кроме практической работы, в этих кружках ведется также и воспитательная работа.

Женщины не пропускают ни одно собрание и собеседование; с каждым разом увеличивается число посетителей.

В работе среди мусульманок очень много помогает школа кройки и шитья. На общих собраниях ставятся вопросы бытового характера, вопросы, раз'ясняющие горянке права женщины в Советском Союзе и др.

Результаты работы уже налицо: мы имеем заявления от горянок, сбросивших чадру, о желании учиться и о приеме их в Партию.

На стекольном заводе «Огни» имени т. Ленина за последнее время, в связи с посылкой туда представительницы Женотдела, работа поднимается; улучшается там и работа делегатского собрания.

Слабее обстоит работа в ауле, которая тормозится отсутствием хороших волорганизаторов.

В райное организовано четыре кустарных артели по выделки ковров.

Артели объединяют сто десять горянок, хотя пока к практической работе по выделке ковров, из-за отсутствия средств (которые в ближайшем будущем будут, однако, отпущены), не приступлено.

В наших условиях, не малая победа одержана отделом работниц при выборах в Сельсоветы. В этом году мы имеем в Сельсоветах одиннадцать и в Горсовете три горянки, между тем как в прошлом году не было ни одной.

Сейчас готовим работниц из местных горянок.

Пробуждающаяся горянка примет участие в активном строительстве Советской власти.